

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 36

1990

Игорь КЛЯМКИН

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

**ТРУДНЫЙ СПУСК
С ЗИЯЮЩИХ ВЫСОТ**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 36

Издается с января 1925 года

Игорь КЛЯМКИН

ТРУДНЫЙ СПУСК С ЗИЯЮЩИХ ВЫСОТ

Опыт политического дневника.
Май 1989 — июнь 1990.

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Игорь КЛЯМКИН

Игорь Моисеевич Клямкин родился в 1941 году в Московской области. В 1959 году окончил Московский военно-механический техникум, в 1968 году — заочное отделение факультета журналистики МГУ. С 1963 года, в течение 15 лет, работал в центральной печати. Сейчас — ведущий научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований АН СССР. Доктор философских наук, автор двух научных монографий и многих статей по истории зарубежной и отечественной общественной мысли.

Широкую известность Игорю Клямкину принесли две большие научно-публицистические статьи в «Новом мире» — «Какая улица ведет к храму?» (1987, № 11) и «Почему трудно говорить правду» (1989, № 2). В последнее время привлекли внимание его работы как публициста-политолога, некоторые из них представлены в этом сборнике. Они посвящены важным вехам нашей общественной жизни между весной прошлого и весной нынешнего года — первым трем Съездам народных депутатов СССР. Автор размышляет о внутренней логике, направленности и возможных перспективах политического развития страны. Конечно, к тому времени, когда эта книжка придет к читателю, многое, о чем в ней говорится, уже отшумит, отойдет в историю: время бурное, события развиваются стремительно. Но история — это, быть может, единственное, что не стареет, и потому мы всегда обращаемся и будем обращаться к ней, чтобы понять настоящее и заглянуть в будущее.

ЧТО НАС ЖДЕТ ВПЕРЕДИ?

О том, как различные политические силы решали свои задачи на первом Съезде народных депутатов СССР

Тринадцать дней все, кто имел возможность, провели у телевизоров. И не только потому, что на глазах миллионов происходило что-то совершенно невиданное по своей открытости, откровенности, накалу политических страстей. Телезрители ждали, заставляли себя верить, что невиданное завершится невиданным итогом. Однако чуда не свершилось. Люди нашей страны за две недели стали чуть-чуть другими. А вокруг них все осталось прежним и потому стало выглядеть еще хуже, чем раньше. Поэтому многие говорят, что Съезд обманул надежды лишь тех, кто в своих надеждах обманывался. Наверное, это значительно ближе к истине.

Первый Съезд народных депутатов не мог завершиться триумфом демократии и принятием радикальных решений хотя бы потому, что демократы составляли на нем заведомое меньшинство, да и в этом меньшинстве отнюдь не все демократы. Можно по этому поводу горестно вздыхать, но гораздо полезнее все же спокойно разобраться в том, что произошло. А разобраться — значит выяснить, какие политические силы были представлены на Съезде, в чем заключались их интересы, какие перед ними в связи с этим стояли задачи и как они их решали.

Таких сил в первом и очень грубом приближении можно выделить три. Во-первых, вынужденная ориентироваться на более или менее глубокие реформы группа в политическом руководстве страны («реформаторы»). Во-вторых, широкие слои партийных и государственных функционеров и зависимых от них депутатов, не заинтересованные в коренном преобразовании существующей экономической и политической системы («аппарат»). В-третьих, группа депутатов, выражающих широкий спектр массовых радикальных настроений и требующих по-разному понимаемой ими решительной демократизации («радикалы»).

Реформатор и власть

Линию поведения Горбачева на Съезде оценивают неодинаково. По мнению академика Сахарова, он «показал себя как хороший дирижер

собрания», и у меня нет оснований не доверять Андрею Дмитриевичу. Кто-то говорит об «умном маневрировании». А кто-то — о «беззащитном манипулировании». Не будем пока выяснять, кто прав. Попробуем лучше понять, зачем политическому руководителю нашей страны нужно было делать то, в чем одни усматривают квалифицированное дирижирование, другие — умелые маневры, а третьи — плохо скрываемую манипуляцию.

Есть проблемы, которые приходится решать любому реформатору. Подчеркиваю, любому. И если мы сегодня пришли к выводу, что настало время и нам осуществить переход к товарному производству и рынку в экономике, к демократии в политике, то не будем предаваться очередной приятной иллюзии, что мы первые на этом реформаторском пути и что существующий в этом деле мировой опыт нам не указ.

А он, опыт, свидетельствует о том, что развитие национального рынка и демократии никогда и нигде не происходило одновременно, что всегда и везде переход к рыночной экономике осуществляли не демократические, а, наоборот, сильные авторитарные режимы. Это делал в свое время королевский абсолютизм в Англии и Франции и других странах Запада, их работу продолжали потом выдвинувшиеся во время революций бонапарты разных мастей и калибров, это делали и делают военные в Латинской Америке наших дней. Да и кратковременная попытка развития рыночных отношений в советских условиях свидетельствует о том же самом: Ленин, осуществив переход к нэпу, был обеспокоен не столько демократизацией, сколько укреплением партийного единства и усилением государственного аппарата.

Все эти многообразные авторитарные режимы, какими бы жесткими они ни были, существенно отличались, однако, от сталинского тоталитаризма. Отличались прежде всего именно тем, что не вмешивались непосредственно в хозяйственную жизнь, а, наоборот, в той или иной степени способствовали ее высвобождению от государственного диктата и создавали правовые регуляторы экономических отношений, обеспечивали юридические гарантии индивидуальной собственности. Достаточно вспомнить знаменитый «кодекс Наполеона», чтобы понять коренное различие между сталинизмом и той сильной властью, о которой идет речь.

Вы спросите: если так, то почему же у нас ставится вопрос и о хозяйственной реформе, и о демократизации сразу? Разве наша система ближе, а не дальше от цивилизованных отношений в экономике и политике, чем любая другая в пору аналогичных преобразований? Отвечу вопросом же, а почему реформа до сих пор остается благим пожеланием, а демократизация, несмотря на отдельные завоевания, оказывается чем-то похожим на бесконечное «маневрирование» и «манипулирование»? Не потому ли, что при монополии государственной собственности демократия лишена экономической основы, а для преобразования экономической основы нужна власть достаточно сильная, чтобы его осу-

ществить? И не должен ли реформатор попытаться ее приобрести? А если должен, то, быть может, есть смысл под этим углом зрения посмотреть и на нашу робкую демократизацию, в том числе и на сам факт созыва Съезда народных депутатов?

Принято считать, что человек, находящийся на вершине власти, располагает у нас всей ее полнотой. Но так если и было, то разве что при Сталине. Хрущев, заложивший основы ныне действующей системы «коллективного руководства», на примере своей собственной политической судьбы наглядно продемонстрировал, что времена полновластия первого лица канули в прошлое. У Брежнева, занимавшего все ключевые посты в партии и государстве, были безграничные полномочия для поддержания того, что есть. И у него не было никаких, даже ограниченных полномочий, чтобы что-то всерьез изменить, если бы вдруг он этого очень захотел. Он не мог и шагу сделать в ущерб интересам того слоя, который мы обобщенно и не совсем точно называем «аппаратом».

Но пришло время, когда наиболее дальновидным представителям этого слоя стало ясно: интересы самосохранения того же самого «аппарата» требуют перемен. Появился — опять же как всегда в таких случаях — спрос на энергичных людей, способных осуществлять перемены. Но едва эти люди выдвигаются на первые роли, как начинаются обычно осложнения. Выясняется, что реформатор не может выполнить возложенную на него миссию, не став выразителем общенационального, общегосударственного интереса, а этот интерес не совпадает с частными, групповыми, корпоративными интересами того слоя, который реформатора выдвинул, связав с ним свои надежды. Выясняется, говоря иначе, что у реформатора для проведения реформ нет власти и что ее нельзя получить иначе, чем через голову «аппарата», скажем, от собрания народных представителей вроде недавнего Съезда. А пока ее нет, кандидат в реформаторы, даже очень радикально настроенный, вынужден ограничиваться полумерами, лавировать, маневрировать, пытаться привлечь на свою сторону более широкие общественные круги незначительными уступками, давать обещания, не имея возможности выполнить их, и в результате терять популярность и авторитет. Все это нам знакомо теперь по собственному опыту, все это происходило на наших глазах в течение четырех последних лет.

Поэтому главная задача, которая в этой ситуации стояла бы перед любым политическим лидером на Съезде депутатов, — получить дополнительные полномочия, не теряя доверия «аппарата», оставаясь и в нем первым лицом. И если мы хотим понять линию поведения Горбачева в течение этих тринадцати дней, поведения, в котором было не только «дирижирование» и «маневрирование», но и «манипулирование», если хотим уяснить, почему он не прислушался к, казалось бы, добрым советам и продолжал настаивать на совмещении постов, то мы должны отчетливо представлять себе именно его задачи и проблемы. А представляя, вынуждены будем признать, что справился он с ними более чем

успешно. Не исключаю, что сделать это можно было с меньшими издержками. Но это уже другой вопрос.

Но почему же все-таки «аппарат» допустил усиление позиций Горбачева? Потому и только потому, что позиции самого «аппарата» не были поколеблены. Он тоже решил на Съезде все свои задачи.

Чего хотел «аппарат»?

В обстановке углубляющегося кризиса и роста неуправляемости, переживаемых страной, у правящего слоя могут быть два пути: или замена лидера (но для этого нужен новый лидер и хоть какая-то новая программа, чего пока, похоже, не наблюдается), или дележ политической ответственности с другими силами, с «обществом», при сохранении в своих руках главных рычагов власти.

Был выбран второй вариант. Чтобы осуществить его, «аппарату» пришлось примириться с гласностью, допустить ее расширение, согласиться на частичную демократизацию процедуры выборов. Но что у этой уступчивости есть граница, показал, например, апрельский Пленум ЦК.

На Съезде народных депутатов перед представителями «аппарата» стояла та же задача: передать вновь избранному Верховному Совету как можно больше ответственности и как можно меньше реальной власти. И им это вполне удалось. Они контролируют положение дел в обеих палатах. Через институты партийного представительства они могут контролировать деятельность Председателя Верховного Совета и блокировать любые попытки переместить центр власти от партияппарата к законодательному органу. В то же время, предоставив дополнительные полномочия главе государства, они, сохранив контроль над ним, возложили и на него дополнительную ответственность.

О том, что решающих передвижек власти на Съезде не произошло, свидетельствуют и введенные в оборот некоторые новые политические формулы. Если вдуматься, ничего нового в них нет, кроме разве что имитации новизны. Вспомним, например, как отвечал, будучи еще кандидатом на пост первого заместителя Председателя Верховного Совета, Анатолий Лукьянов на вопрос о разделении функций между Политбюро и Верховным Советом. Он сказал, что Политбюро будет выработать политику, а Верховный Совет — осуществлять власть. На первый взгляд позиция новая, соответствующая давно известному в мировой практике разделению функций между политическими партиями и государством. Но в наших условиях это вряд ли можно считать решением проблемы. Ведь у нас партия, осуществляя «руководящую роль», сама является этажом власти, причем самым верхним. Ведь «аппарат» партии стоит *над* государством, и пока это так, именно он, обладая монопольным правом на выработку политической линии, уже тем самым осуществляет власть. Кому выгодно такая имитация новизны, вуалирующая реальное положение вещей, разъяснять, очевидно, не надо.

Нельзя сказать, что представители «аппарата» вообще не столкнулись на Съезде ни с какими трудностями, ни с каким сопротивлением. Сопротивление было, это мы все видели. И очень важно присмотреться к тому, как они на него реагировали. Важно, потому что не только демократы, но и консерваторы ищут новые слова, новый язык для выражения и отстаивания своих интересов. Не будем обманываться насчет того, что «новое мышление» будто бы для всех одно, «новых мышлений» ровно столько, сколько политических сил.

Пока, правда, «аппарат» и его идеологи ничего оригинального не придумали. Откройте стенограммы партийных съездов и конференций 20-х годов, и вы увидите то же самое: приверженцы сталинской «генеральной линии» обвиняли своих противников и в тайном желании вести съезд (конференцию) от живого дела, и в подрыве единства, и в хорошо замаскированном стремлении захватить власть, и в плохо скрываемых политических амбициях. Было все это, было! И если нынешние консерваторы предпочитают жить в прошедшем времени, если для того, чтобы отвести требование об альтернативных кандидатурах и развенчать претензии на создание демократической «фракции», бросаются искать аргументы на политической свалке советской истории, то это значит, что они столкнулись с серьезными трудностями. И похоже, трудности эти будут увеличиваться по мере того, как будет входить в наше сознание мысль о том, что лозунгом «живого дела» может прикрываться стремление обделаться свои делишки, а «борьба за власть» постыдна только при тоталитаризме, где к власти допускают лишь самых «скромных», и вполне уместна и даже обязательна при демократии, где эта борьба помогает выявить самых достойных.

Поэтому наши консерваторы наверняка попробуют прибегнуть к другим средствам для восстановления уходящего в прошлое «монолитного единства». Съезд показал, что поиск уже начался. Как будто специально для их проверки на политическую прочность вновь и вновь выходил на трибуну Андрей Сахаров и говорил на совершенно чужом для них языке, и они ничего не могли ему ответить, не могли приклеить даже ярлык «борющегося за власть» (не приклеился бы), и потому каждый его выход встречали раздраженным гулом и бессильными аплодисментами.

И неспроста, быть может, именно в полемике с Сахаровым был брошен в зал такой новый и в то же время совсем не новый лозунг «Держава, Родина, коммунизм!», как не случайно, быть может, и то, что призывные слова эти были произнесены отставным офицером, инвалидом афганской войны. И кто может быть уверен, что не начался поиск идеологических символов, которые были бы в состоянии воздействовать на все еще чувствительные струны нашего «оборонного сознания» и вести в политическую борьбу армию?

И все же все это скорее трудности дня завтрашнего, чем сегодняшнего. Во всяком случае, они не помешали «аппарату» провести Съезд по заранее написанному сценарию.

Поражение «радикалов»

Да, только демократически настроенные депутаты не сумели решить стоявших перед ними задач. Я имею в виду не то вовсе, что они оказались в меньшинстве. Они не справились с теми задачами, которые стояли перед ними именно как перед меньшинством. Я понимаю, что это просто говорить, видя бой со стороны и рассуждая о нем, когда он закончился. Но известно и то, что со стороны виднее. А первый Съезд, будем надеяться, не последний.

Мне кажется, что в двух очень важных случаях, когда «радикалы» выступили оппозиционно (процедура выборов и попытка создать межрегиональную группу), они не сумели примирить свою ориентацию на Горбачева со своими представлениями о демократических принципах и нормах. Все они выступали за альтернативные выборы Председателя Верховного Совета. И все они, включая Сахарова, были единодушны в том, что альтернативы Горбачеву нет. И поэтому они других кандидатур не выдвигали. Но раз так, то лозунг альтернативности утрачивал какое-либо политическое содержание. Оно могло быть обеспечено или выдвижением реальной кандидатуры, пусть даже не имеющей никаких шансов, или, если таковой не было, публичным признанием этого и отказом от голосования, как сделали тот же Сахаров и с ним еще девять человек, имена которых нам неизвестны. То же самое, очевидно, нужно было сделать при выборах в Верховный Совет, где альтернативность была невозможна чисто технически (чтобы выявить хотя бы в первом приближении политическое лицо неизвестных друг другу людей, предстояло даже при двух кандидатурах на одно место пропустить через съездовскую трибуну свыше тысячи человек).

На результаты выборов все это, разумеется, повлиять не могло, но на политическое просвещение миллионов людей — очень даже могло. И все это можно было сделать без ультимативных заявлений от республик об отказе участвовать в голосовании, что действительно завело бы Съезд в тупик. Все это можно было сделать так, как в парламентской практике давно уже делают, не желая брать на себя ответственность за неприемлемую процедуру, и как десять человек дважды сделали на прошедшем Съезде.

И тогда, быть может, не нужно было бы выступать с критикой процедуры и результатов голосования задним числом и в знак протеста объявлять о выделении всех недовольных в особую группу в крайне неблагоприятный момент, навлекая на себя упреки в неуважении к большинству, чрезмерной обидчивости, амбициозности, стремлении захватить власть и прочих грехах. Тогда не пришлось бы поспешно отступать, откладывая создание «фракции» на самый конец Съезда и вызывая тем самым разочарование миллионов демократически настроенных людей за пределами зала.

И еще одно соображение. Вспомним самовыдвижение Оболенского, ставшее блистательной пародией не только на предложенную процедуру выборов без выбора, но и на выдвинутый «радикалами» принцип альтернативности без альтернативных кандидатур. Вспомним, как зал, тот же самый «агрессивно-послушный» зал, двадцать минут добросовестно выслушивал «президентскую программу» Оболенского. Но если так, то он, может быть, выслушал бы и другую программу — той же «московской группы», например, будь у нее такая программа и лидер, готовый ее предствавить? И, быть может, эта программа сплотила бы «радикалов» основательнее, чем запоздалый протест против недемократических выборов?

Если робость и чрезмерная осторожность «радикалов», их способность выделиться из своей среды смелых и ярких ораторов при неготовности к политическому самоопределению и самоорганизации объяснялись симпатиями к Горбачеву и боязнью «помешать» ему, то эти опасения вряд ли состоятельны. Хорошо, что в конце Съезда межрегиональная группа все же оформилась, и я не думаю, что ей следует вести себя очень уж осторожно. Да, мировой исторический опыт свидетельствует о том, что без режима сильной личной власти переход к современной экономике невозможен, без нее нельзя сломить сопротивление консерваторов. Но это вовсе не значит, что демократы должны полностью отождествить себя с реформатором или претендентом на эту роль. Нет, у них своя, особая задача: выражать и отстаивать в представительном органе интересы широких демократических слоев населения. Это нужно, кстати, не только им, но и реформатору: только испытывая постоянное давление слева, только постоянно сталкиваясь с требованиями «невозможного», может он реально определить меру своих собственных возможностей. Тем, кто сомневается в том, что это так, советую вспомнить об уходе литовской делегации из зала заседаний и о вызванном этим уходом пересмотре уже заготовленного решения.

Что же впереди?

Ближайшие месяцы должны дать ответ на главный вопрос: способно ли реформаторское крыло политического руководства обеспечить действительное продвижение по пути реформ? Ближайшие месяцы проявят и подлинный масштаб личности Михаила Горбачева. Если до первого Съезда еще могли быть какие-то оправдания половинчатости решений и затянувшегося маневрирования на мели, то сейчас их не только не может, но и не должно быть. Лимит времени исчерпан.

Да, реальной власти у Горбачева прибавилось ненамного. Но он получил статус лидера, не только выдвинутого «аппаратом», но и выбранного подавляющим большинством представителей народа. Это открывает, как можно предположить, дополнительные возможности для перемещения центра власти от партии к Советам, для формирования политических механизмов, способных двинуть наконец вперед реформу

в экономике, без которой все наши «парламентские» учреждения будут больше напоминать клубы потребителей в нищей стране, где каждый что-то просит, но почти никто не озабочен тем, чтобы было что давать.

А пока — пока углубляется кризис. Он будет сопровождаться ростом напряженности и еще более быстрым вовлечением в активную политическую деятельность все новых и новых слоев населения. Развивающееся «внепарламентское» движение может стать мощной опорой не только «радикалов» в представительных органах, но и реформаторских сил в руководстве в их противостоянии консерваторам. Весь вопрос в том, захотят ли они опереться на это движение.

Итак, что же впереди?

Впереди, можно сказать, все.

Июнь, 1989.

ТРУДНЫЙ СПУСК С ЗИЯЮЩИХ ВЫСОТ

Размышления в канун выборов о втором Съезде народных депутатов СССР и политической ситуации в стране

Начало Съезда наводило на грустную мысль, что он, как особый политический орган, себя исчерпал, едва успев родиться. Когда он весной прошлого года собрался в первый раз, такого ощущения не было. Конечно, многое смущало и тогда, но — совсем другое. Тогда смущало, что наша «верхняя палата» (Съезд), появившаяся на свет раньше «нижней» (Верховный Совет со своими двумя палатами), слишком уж похожа на всесоюзный митинг перед телекамерами и совсем не похожа на учреждение, призванное создавать законы. Второе собрание высшего органа власти сразу же попробовало придать себе парламентскую солидность, основательность и пунктуальность, потратив целый рабочий день, да еще удлинённый сверхурочными часами, на обсуждение повестки дня. И сразу стало ясно не только то, что большинство Съезда остается послушным президиуму, что никаких принципиальных изменений в составленный заранее сценарий внесено не будет и что обсуждение законов, которых ждет вся страна, откладывается до лучших времен. Ясно стало и другое, а именно, что собрание двух с четвертью тысяч человек для законотворческой работы совершенно непригодно. Более того, постепенно многие утверждались в мысли, что главный недостаток первого Съезда, то есть его безудержная митинговость, был его главным достоинством и что второй только тогда и был интересен, когда начинал переходить на первый. А раз так, то неизбежно возникал и требовал ответа один-единственный вопрос: нужен ли нам такой, пусть временами и интересный, но дорогостоящий митинг с очередями к микрофонам, в то время когда всесоюзная очередь начинается, кажется, выстраиваться уже даже у булочных?

На этот вопрос я, хотя и не без колебаний, отвечаю утвердительно: да, Съезд нужен, причем именно сейчас, когда все спуталось и смешалось в нашем доме. Потом, когда разберемся и наведем порядок, обойдемся и одним Верховным Советом, как, впрочем, по части законотворчества иногда обходимся уже сейчас. Вы помните, конечно, что некоторые принятые Верховным Советом законы начинали действовать до

утверждения их Съездом, и возможность этого, как было подтверждено самим Съездом, не исключается и впредь. Но пока сохраняется обстановка всеобщей неупорядоченности, нам нужно, необходимо просто политическое зеркало, нужна открытая трибуна, где непосредственно сталкиваются различные социальные силы, где позиции выражаются общедоступным и резким политическим, а не юридическим языком, который большинству из нас не очень понятен и который не столько выявляет, сколько вуалирует реальные интересы. Если вспомнить, что высшие институты партийного представительства, обсуждая вопросы, которые касаются не только их, но и нашей общей судьбы, демонстрируют свою сплоченность испытанным способом обнародования не речей ораторов, а списков их фамилий и единодушно принятых постановлений, то можно позволить себе быть категоричным в утверждении: Съезд народных депутатов — это на сегодня единственный орган, который хотя бы в первом приближении позволяет судить о том, кто есть кто в различных эшелонах власти и как соотношение политических сил в стране.

Что же увидели мы на экранах своих телевизоров?

Новые защитники не новых «принципов»

Сейчас, после Съезда, вряд ли приходится сомневаться в том, что примерно с осени прошлого года конфликт различных социально-политических сил снова переместился в сферу идеологии, что исходит своего рода возвращение к весне 1988 года, когда появилась известная статья «Не могу поступаться принципами». Конечно, в жизни ничего не повторяется буквально, в ней, как нас в свое время долго и упорно учили, все движется не по кругу, а по спирали, и потому одно и то же в разное время — это не совсем одно и то же. Так и в нашем случае.

В статье Нины Андреевой и в ответах ей речь шла только о «принципах», только об идеологии, об оценках вчерашнего и позавчерашнего бытия (гордиться нужно им или каяться), потому что в то время больше не о чем было и спорить: экономики и политики перестройка тогда еще не коснулась. Сегодня же обращение к идеологическим «принципам» — это реакция определенных общественных сил на неудачи реформ в экономике и способ самозащиты от продолжающейся демократизации в политике.

«Куда мы идем?» — так поставлен теперь вопрос, и ставящие его намекают или говорят открыто, что идем явно не туда, а потому и не может нам улыбнуться удача. Понятно, что это настроение, которое попытались донести до нас некоторые депутаты со съездовской трибуны, возникло не только что. Ведь не случайно же — это слишком бросалось в глаза, чтобы быть незамеченным, — последние месяцы ушедшего года руководитель государства и инициатор перестройки во всех выступлениях и интервью особо выделял слово «социализм», заверяя сомневающихся, что оно по-прежнему остается нашим знаменем, смыслом и целью наших забот. Похоже, однако, что этим заверениям поверили не все,

в связи с чем, возможно, и появилась обобщающая статья Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка». Но вопрос не был снят, и на Съезде народных депутатов Председатель Верховного Совета снова счел нужным отвести упреки и дать новые заверения насчет того, что перестройка не означает разрыва с социализмом и его ценностями. Правда, многие заметили, что упреки идут с правой стороны, а ответ дается тем, кто находится слева и упрекает совсем не в этом. Кое-кто сделал отсюда вывод, что правые сегодня настолько сильные, а «центристы» так сильно боятся прослыть потакающими левым, что вынуждены ругать вторых даже тогда, когда хотят возразить первым. Возможно, что именно так дело и обстоит.

Не надо быть пророком, чтобы предвидеть: все это нам предстоит наблюдать еще не раз. Потому что за вопросом «куда идем?», за тревогами и опасениями насчет того, что идем не туда, скрываются ущемленные интересы и поверженные репутации находящихся у власти групп, причем не столько в центре, сколько на местах, где накапливается недовольство центром.

Да, под ударом сегодня оказался прежде всего местный партийный и государственный аппарат, особенно его руководители. Вспомните речи некоторых из них на Съезде: экономические методы не действуют, но и командовать не разрешают; нас призывают к самостоятельности, но центральные ведомства монополизировали право распоряжаться сырьевыми ресурсами и валютными поступлениями от их продажи; все разваливается, народ не работает, даже когда не бастует, а виноватыми оказываемся мы, местные власти; вкалываем до одури, а в глазах людей все равно остаемся «бюрократами» и «врагами перестройки»; ясно, что на предстоящих выборах мы обречены.

Вот в них-то, в выборах, все и дело. Центральная власть, по крайней мере на уровне партийного руководства, пока еще не испытала зависимости от избирателя. Ее можно критиковать в печати или в представительном органе, но человек с бюллетенем ей пока не грозит. А что шутки с этим человеком плохи, стало очевидно в марте прошлого года, когда были подведены итоги выборов народных депутатов СССР.

На состоявшемся сразу после этого апрельском Пленуме ЦК КПСС представители мест открыто (хотя и осторожно) заявили о своем недовольстве центром, и в унисон с ними, но еще не сливаясь, прозвучали как духовное завещание уходящей эпохи голоса отставляемых идеологов об опасности размывания идейных устоев социализма потоками буржуазной и прочей зарубежной пропаганды.

Центр, не отказываясь от общей линии, вскоре кое в чем уступил: местные выборы были передвинуты с осени прошлого года на весну нынешнего, а решение Всесоюзной партконференции о совмещении руководящих постов в партийных и советских органах, которое, как выяснилось, не столько укрепляло «руководящую роль», сколько ставило жизнь и судьбу первых секретарей в полную зависимость от неуправляемого и враждебно настроенного человека с бюллетенем, было объявлено не-

обязательным. Так как решение конференции о совмещении постов было крайне непопулярным, его не совсем законная отмена, брошенная, как спасательный круг, тонущим функционерам, сопротивления обществу не вызвала и прошла почти незамеченной.

Но чем ближе выборы и глубже кризис, тем выше напряжение в кабинетах обкомов и облисполкомов, прилагающих отчаянные усилия для того, чтобы недовольство избирателей ходом перестройки переадресовать в центр и укрепить тем самым свою политическую репутацию. На нашумевшем митинге коммунистов в Ленинграде лозунги, призывающие хранить верность «принципам» и отдавать себе отчет в том, «куда идем», впервые соединились с лозунгами, требующими отчета от ЦК и Политбюро.

Разумеется, эту политическую смелость можно было бы только приветствовать, если бы она толкала центр вперед. Но она толкает его назад. Неудачи перестройки создают благоприятную атмосферу не только для радикальной, но и для консервативной критики. И по мере того как в обществе накаливается усталость, первая слабеет, а вторая усиливается. Закончившийся Съезд народных депутатов, несмотря на решимость, проявленную членами межрегиональной группы, не оставляет в этом никаких сомнений. Впервые, пожалуй, со столь высокой трибуны мы услышали о том, что при застое было не так уж плохо, во всяком случае, люди работали, соблюдали порядок, а сейчас все катится неизвестно куда. И говорили это не функционеры, не «аппаратчики», а «рядовые труженики и труженицы», и я не уверен, что пели они только с чужого голоса.

Похоже, перенесение срока выборов было тактической ошибкой. Оно позволило местному «аппарату» создать себе социальную опору среди населения, которое к тому же, наблюдая за работой наших «парламентских» учреждений, успело утратить свои иллюзии насчет того, что новые люди в законодательных органах могут что-то быстро изменить к лучшему. Поэтому его избирательная активность падает, а все это вместе взятое приводит к тому, что падает престиж депутатской деятельности, что многие честные, энергичные и способные к такой деятельности люди не хотят выдвигать свои кандидатуры, облегчая тем самым политическую карьеру очередному поколению «проверенных» и «надежных».

Потеряно главное — темп. Еще в прошлом году мы могли бы иметь обновленные Советы с обновленным аппаратом на местах, могли бы иметь политические органы перестройки, сплавивающие вокруг себя все живые силы, а не старый советский аппарат, сросшийся со старым партийным.

Конечно, исход избирательной борьбы в любом случае не предрешиен заранее, конечно, свободные, демократические выборы были и остаются лозунгом всех демократических сил. Без надежной политической опоры на местах, без новых органов власти, которые отличаются от старых тем, что люди считают их своими, — без этого перестройка об-

речена. Но как бы ни развивались события, конфликт между центром и местами, о котором я говорил, будет углубляться, а углубление его проявится в том, что места попытаются (и уже пытаются) найти себе опору в центре. В центре же им проще всего найти опору в институтах партийного представительства (в ЦК и Политбюро), так как эти институты по-прежнему остаются закрытыми от общества, а значит, лучше всего приспособленными для «аппаратных» методов деятельности.

Правда, наши высшие партийные инстанции с завидным упорством при всех обстоятельствах демонстрируют свое «монолитное единство», не отдавая себе, похоже, отчета в том, что его могут считать достоинством разве что члены «ордена меченосцев» и что для демократической или демократизирующейся организации оно — нонсенс. Да и удастся эта демонстрация не всегда. Если общество, преодолевая «монолитное единство», дозрело до того, что депутатами высшего органа законодательной власти оказываются такие разные люди, как Лигачев и Сахаров, то смерть второго ставит первого перед вопросом: подписывать некролог вместе с генсеком и другими членами Политбюро или нет. Егор Кузьмич проявил принципиальность и подпись не поставил. Между прочим, не он один. Вы скажете, быть может, что этот факт можно истолковывать по-разному и что сам по себе он еще не ставит под сомнение наличие «монолитного единства» по основным направлениям политики. Я спорить не буду, но если дело обстоит так, то тем более непонятно, почему я, будучи членом партии, не могу убедиться в этом сам, прочитав речи участников очередного Пленума ЦК в газетах?

А теперь самое время вернуться к вопросу «куда идем?». Думаю, что он как раз и навязывается обществу людьми, для которых «куда идем?» равнозначно «куда ведем?», а «куда ведем?» равнозначно «куда можем вести?», а «куда можем вести?» равнозначно магическому слову «социализм», смысл которого дозволено толковать только ведущим на своих тайных заседаниях. И тут я хотел бы быть предельно определенным: пока мы будем танцевать не от жизни, а от слова, которому должна соответствовать жизнь, пока отступлениями от подлинного смысла этого слова будем объяснять себе и миру наши беды и неразрешимые проблемы, до тех пор не будет на нашей земле ни достатка, ни душевного здоровья, до тех пор руководить нами будут специалисты по идеологическому языкознанию, обсуждающие свои профессиональные проблемы за закрытыми дверями.

Если мы решили двинуться от ненормальной жизни к нормальной, а она по ходу дела стала еще ненормальнее, то это не потому, что не выяснили толком, каким словом обозначить цель движения, а потому, что до этого слишком далеко отклонились от нормы, слишком долго болели и не можем сразу зашагать твердо и уверенно. Но если, вместо того чтобы двигаться, снова начнем выяснять, куда идем и зачем, то уж точно никуда не придем или, точнее, снова придем в никуда. Я очень боюсь новых идеологических сделок, обманов и самообманов, когда люди из самых благих побуждений начинают откупаться от профессиона-

лов ритуального языкознания, заверяя их, что все, что ни делается в ходе перестройки, — это не отступление от социализма, а, наоборот, приближение к нему.

Интересно все же, на кого это рассчитано? На тех, кто не знает, что современный рынок (товаров, труда, капиталов), равно как и современная представительная демократия, сложился в обществе, которое принято называть капиталистическим? Но зачем же пользоваться неосведомленностью сограждан и очередной раз вводить их в заблуждение, внушая, будто больше рынка и больше демократии — это «больше социализма»? Не проще ли, не надежнее ли взывать не к их иллюзиям, не к тем мифам и словесным фетишам, которые сохранились до сих пор в их головах, а к их здравому смыслу? Не проще ли объяснить им, что раз мы отстали от Запада, раз там лучше и товары, и машины, которые помогают эти товары производить, и отношение к труду, и жизнь вообще, то это благодаря тому, что там есть такие вещи, как рынок и демократия, которых у нас нет, и что пересадить их в нашу почву — это значит пересадить *тамошние* растения? Не проще ли объяснить, что главная забота и главная трудность наши не в том вовсе, чтобы определить, куда надо и куда не надо ходить, а в том, чтобы приспособить эти растения к нашим условиям, вырастить их, не дать зачахнуть и в то же время не допустить, чтобы они заглушили, задавили все то самобытное и самоценное, что дорого в себе каждому из наших народов?

Пора бы уж понять нам всем, что никаким, даже самым «принципиальным» ответом на вопрос «куда?» нельзя заменить ответ на вопрос «как?». И нет, поверьте, во всех этих рассуждениях никакой крамолы, и если кто-то все же сомневается, если он здравому смыслу по инерции не доверяет, а верит лишь священным текстам, то попробую учесть и это, спрятавшись за Ленина. После того как рухнули идеология и политика военного коммунизма, Ленин, объявив о переходе к нэпу, то есть к использованию рыночных механизмов хозяйствования, не стал изыскивать хитроумные доводы, способные убедить людей, будто рынок — это «больше коммунизма». Нет, он сказал то, что было на самом деле, что речь идет о заимствовании элементов капитализма и что «России нэповской» хотя и предстоит стать «Россией социалистической», но пока она всего лишь госкапиталистическая.

Почему же по отношению к военному коммунизму второго (сталинского) издания все должно быть иначе? Почему рыночные механизмы, подсоединяемые к этой системе, должны дать «больше социализма»? Я знаю только один ответ на этот вопрос: похоже, мы до сих пор пребываем под сталинским идеологическим гипнозом и в глубине души считаем, что в чем-то очень и очень важном находимся впереди всех, а потому любая пересадка сюда элементов капитализма кажется нам возвращением назад.

К тому же есть люди, которые специализируются на том, что извлекают эту старую веру из душевных глубин и облачают ее в respectable научный костюм. Они пытаются представить дело таким образом,

будто некие злоумышленники хотят пересадить к нам капитализм времен свободной конкуренции или, во всяком случае, индустриальной, а не современной научно-технической эпохи. Возможно, такие злоумышленники — не просто изобретение их оппонентов, ищущих идеального противника, на фоне которого легче демонстрировать свою оригинальность. И потому спешу оговориться: нам не нужен капитализм индустриальной эры, поскольку в эту эру мы худо-бедно давно вошли, причем достаточно самобытно, а рынок и другие капиталистические регуляторы понадобились нам потому, что мы не можем с помощью прежних средств и методов прорваться в цивилизацию *после*индустриальную. Надо ли разъяснять, что для этого нам вовсе не обязательно возвращаться к историческим рубежам, которые мировой капитализм давно миновал?

Нет, давайте лучше наберемся смелости и достоинства и признаем без всяких оговорок, что США, Япония и другие большие и малые развитые капиталистические страны находятся впереди нас и что наши ракеты и космические корабли не делают нас равными тем, у кого они есть, и не ставят выше тех, у кого их нет. У этих стран — свои проблемы и беды, но они совсем другого уровня, чем наши. Вполне возможно, что их общественное устройство тоже не вечно, что социалистической идее суждено там когда-нибудь стать реальностью. А раз так, то не исключен социализм и у нас. Но если мы считаем, что он должен быть выше и чище не только сталинского тоталитаризма, но и современного капитализма, то нам для начала предстоит хотя бы сравняться с этим капитализмом. А для этого, в свою очередь, нужно органично вплести лучшее, что в нем есть, в ткань нашей хозяйственной и общественно-политической жизни. И не стесняться называть вещи своими именами. И отказаться от обожествления слов, будь то «социализм» или еще одно, о котором разговор особый.

Что может и не может партия

Каких-нибудь полтора года назад о нашем будущем нельзя было сказать ничего определенного. Потому что мир не имел никакого понятия о том, как происходит переход к рыночной экономике и демократии от тоталитарной системы, которая только потому завоевала право на жизнь, что лишила жизни рынок и демократию. Теперь мы можем рассуждать о том, что нас ждет, определеннее и увереннее. Потому что прямо на наших глазах произошли грандиозные, эпохальные события в странах Восточной Европы. Мы еще не осознали толком, что 1989 год, уйдя от нас в прошлое, вошел в мировую историю как один из величайших, обогатив ее опытом бескровных (хотя, к сожалению, и не только) народных революций, в считанные мгновения сбросивших тоталитарные режимы, а также опытом уникальных реформ.

Конечно, он не открыл тайну нашего будущего, а только приоткрыл ее. Во-первых, страны Восточной Европы хотя и похожи на нас, но все

же кое-чем и отличаются. Во-вторых, переход к современной рыночной экономике ни в одной из них еще не произошел, и потому тут итожащая точка пока неуместна, тут больше подходит многообразие в сочетании с вопросительным знаком.

Но кое-что (и весьма существенное) можно сказать определенно. Можно сказать определенно, что если партийная монополия на политическую власть пытается сохранить себя, насильственно удерживая общество от экономических и политических реформ, то правящие партии могут оказаться поверженными в течение нескольких дней без сколько-нибудь убедительных шансов на скорое возрождение. Но и в том случае, когда монопольно правящая партия сама начинает реформы, как в Венгрии и Польше, она не в силах завершить их, не поделившись ответственностью (а значит, и властью) с другими политическими силами, не сделав — ради предотвращения взрыва и собственного самосохранения — решительных шагов в сторону многопартийности. Понятно, что при этом ей приходится забывать прежний мифологический язык, расставаться с претензиями на божественную непогрешимость и исключительность, проистекающую из посвященности в сокровенный смысл «единственно верного и всепобеждающего учения». Ей приходится отказываться от обожествления слова «партия» точно так же, как и слова «социализм», которые раньше произносились не иначе как со священным трепетом.

Наш Съезд народных депутатов показал, что уроки соседней еще не всем пошли впрок, что не перевелись люди, которым одно лишь упоминание о шестой статье Конституции кажется кощунственным. Что ж, их время уходит быстрее, чем они это способны понять, но будем надеяться, что их непонимание уже ничего не остановит.

Сегодня уже вполне ясно, что может и что не может сделать единовластная партия, самопревращаясь из монополиста-консерватора в монополиста-реформатора. Она может начать перестройку: кроме нее, начинать некому, так как других сил нет, они подавлены, но завершить ее, удерживая полномочия, она не в состоянии, и почетный титул «инициатора перестройки» не дает ей никаких оснований для сохранения монополии. Говоря иначе, в одиночку она в лучшем случае может обеспечить лишь спуск общества с «зияющих высот» тоталитаризма (воспользуясь этим образом нашего философа-эмигранта Александра Зиновьева), спуск к той исторической точке, от которой начинается подъем демократии в экономике, политике и духовной культуре.

Да, перестройка — это подъем лишь во-вторых, а во-первых — либо обвал, либо медленный спуск. Если не забывать, что обвал может произойти не только как в Праге, но и как в Бухаресте, то спуск все же предпочтительнее. Он позволяет постепенно разжимать обручи, сковывающие волю и энергию общества, дать возможность возникнуть и укрепиться в нем новым экономическим силам и политическим организациям, готовым принять на себя хозяйственную и политическую ответственность. Подготовить партнеров и оппонентов, способных сменить партап-

паратную монополию, или по крайней мере не мешать им свободно развиваться — в этом и заключается реформаторская миссия монополиста. Не только отказаться от самообожествления, но позаботиться о своей самоликвидации как недемократической, стоящей над обществом и государством силы — вот единственный способ искупить свою вину за грехи прошлого. Если же общество на Съезде своих представителей начинает требовать отказа от конституционно закрепленной «руководящей роли», то это значит, что партия со своей миссией монопольного реформатора не справляется, что ее воспринимают не как двигатель, а как тормоз перемен, что ей не удается обеспечить плавный, безболезненный и организованный спуск с «зияющих высот».

Поляки и венгры показали, что в принципе такое возможно. Мы идем по тому же пути, но пока еще не подтвердили, что такое возможно везде. Мы тоже начали спуск. Но похоже, что мы на нем застреваем: я уже говорил, что создание рядом с партаппаратом новых органов власти в интересах этого аппарата искусственно замедлено. Но останавливать на наклонной плоскости триста миллионов уставших от несвободы людей — значит рисковать очень многим, если не всем. Люди начинают нервничать, те, кто поувереннее и порешительнее, бросаются вперед, обгоняя остановившихся или топчущихся на месте, другие, наоборот, в смятении поворачивают назад, в разных точках начинается давка, грозящая превратиться во всеобщую кучу малу. Очень не хотелось бы, чтобы мы в очередной раз продемонстрировали свою уникальность, соединив спуск и обвал в кошмар обвала во время спуска.

Нам, конечно, труднее, чем венграм и полякам. По крайней мере двух наших проблем они не знают. А это проблемы основополагающие, фундаментальные, затрагивающие первичные потребности и ценности людей.

Первая проблема — продовольственная. Ни в Венгрии, ни в Польше сельское хозяйство не вросло так глубоко в административно-командную систему, или, что то же самое, управление им не срослось так прочно с партийно-государственным аппаратом. Поэтому так отчаянно сопротивляется, так ожесточается весь аппарат, когда заходит речь о том, чтобы разрешить крестьянину свободно хозяйствовать на своей земле. Наблюдая за ходом Съезда, мы видели, как это происходит, слышали аргументы и могли лишний раз убедиться, что единственным оружием аппарата по-прежнему остается неправда. Мы могли убедиться, что защита права выхода крестьян из колхозов со своими наделами ради самостоятельного хозяйствования воспринимается не иначе как призыв к ликвидации колхозов, а права на некабальную аренду — как проповедь насильственной арендизации, или, что то же самое, «коллективизации наоборот». И пока идет это выяснение отношений, пока вновь и вновь отодвигается перспектива реального освобождения труда на земле, в выигрыше оказываются наиболее консервативные круги аппарата. Не только потому, что это уступка им, а уступка добавляет уверенности в своих силах (слабому не уступают), но и потому, что каждая такая уступка все

больше опустошает и без того почти пустые полки наших продовольственных магазинов. А виновными в глазах людей — Съезд это тоже наглядно и убедительно продемонстрировал — окажутся не только аппарат, которому уступают, но и реформаторы, которые уступают. И обвинят их, разумеется, необязательно в уступчивости; многие скажут: вся беда в том, что пошли «не туда».

Дороговизна, галолирующая инфляция во время спуска с «зияющих высот», как было в Польше и Венгрии, — это тяжело, но, похоже, выносимо, если есть что покупать. Голод на спуске — это неизбежный обвал. И потому одно из двух: или руководство монополично правящей партии найдет в себе силы вывести сельское хозяйство из-под административно-аппаратной опеки, или нам суждено стать свидетелями повторения румынских событий на территории, составляющей шестую часть планеты. Во всяком случае, замечу еще раз: настойчивые попытки многих народных депутатов включить в повестку дня Съезда обсуждение шестой статьи Конституции и поддержка, которую они получили со стороны значительной части отнюдь не радикального депутатского корпуса, — это свидетельство растущего недоверия к реформаторским возможностям монопольной власти. Правда, мало кто отдает себе отчет в том, что отмена этой статьи сама по себе ничего не решает, так как в обществе (я имею в виду страну в целом) не успела сложиться организованная сила типа, скажем, польской «Солидарности», способная перехватить руль, который с таким трудом пытается удержать традиционное руководство.

На пути формирования такой силы — вторая проблема, которая наряду с продовольственной значительно усложняет спуск, то есть высвобождение из тисков монопартийного тоталитаризма. Я имею в виду многонациональный характер страны.

Демократизация пробудила к жизни множество политических сил, ни одна из которых не действует, однако, в масштабах страны и не готова взять ответственность за ее судьбу. Вместе с тем почти все они — в явной или скрытой оппозиции к той единственной организации, отряды которой пока действуют во всех регионах и которая воспринимается многими как проводник политики «имперского центра». Неудивительно, что некоторые из этих отрядов, подталкиваемые конкуренцией со стороны новых политических сил и вынужденные считаться с тем, что десятилетиями подавляемое чувство национального достоинства вытеснило все другие чувства, взяли курс на отсоединение от КПСС.

Если не забывать о том, что трещины межнациональных конфликтов образуются не только между республиками, но и внутри республик, если все конфликтующие стороны обращают свои взоры к центру, чтобы выразить свое недовольство, то можно понять, почему так настойчиво проводилась на Съезде столь уязвимая идея надзора за соблюдением параграфов брежневской конституции со стороны особого комитета. За этим стоит признание, что на старой, «имперской» основе межнациональные конфликты неразрешимы, что центр здесь бессилён, что новой, демократической основы до сих пор нет и центру ничего не остается,

как попробовать снять с себя хотя бы часть ответственности, переложив ее на особый буферный орган, состоящий из специалистов разных национальностей.

Разумеется, это решение ничего не решает, как ничего не решает, скажем, переход на региональный хозрасчет. Пока нет экономических рыночных отношений между предприятиями, региональный хозрасчет ничего, кроме гражданской войны цен, ведущейся под руководством местных бюрократий, не даст и дать не может. Это наше возможное ближайшее будущее без труда угадывалось в выступлениях на Съезде представителей сырьевых районов, едва ли не самых бедных и запущенных в стране. Как показывает пример Югославии, в такой войне рынок не создается, а разваливается, и победителей в ней в итоге не оказывается.

Идея регионального хозрасчета не экономическая, а чисто политическая. Точнее, это политическая идея в экономической упаковке. Республики хотят суверенитета, хотят политической свободы, нового союзного договора, но его заключение все откладывается, а региональный хозрасчет — это как бы шаг к политической независимости, своего рода компромисс между центром и республиками, его уступка им при сохранении устоев централизованного государства. Но уступки могут в лучшем случае лишь временно уменьшить напряжение проблем и отсрочить принятие принципиальных решений, а не заменить их.

И не надо поэтому удивляться, что народы не удовлетворяются уступками или, что то же самое, своими частичными победами. Не надо возмущаться, если среди них раздаются призывы к выходу из СССР — это обостренно-болезненная реакция на медлительность центра. В том же ряду — решение съезда литовских коммунистов о выходе из КПСС: пока в отношениях между республиками и между ними и центром не восторжествует, воплотившись в четкие юридические формулы, принцип полной добровольности, представители общесоюзной правящей партии в национальных республиках будут чувствовать себя неуютно, так как в глазах многих людей они выглядят проводниками имперской политики.

На второй сессии Верховного Совета один из депутатов очень точно заметил: «Чтобы их (республики) удержать, надо их отпустить». Это так, ибо если некоторые из них и помышляют о том, чтобы уйти, то потому прежде всего, что чувствуют себя пленниками. Их можно удержать, потому что даже самые развитые среди них — я имею в виду производственную культуру — не готовы к конкуренции на мировом рынке. Поговорите со сведущими людьми в Эстонии, Литве, Латвии, где угодно, и если не все, то многие скажут вам уверенно и определенно: хозяйственной, экономической целесообразности выходить из состава «империи» не существует. Условие ее самосохранения поэтому только одно: она должна перестать быть «империей» и стать добровольным союзом суверенных народов, каждый из которых может свободно распоряжаться своей судьбой в соответствии с принципами международного права

Но раз есть экономическая основа для предотвращения распада страны, для ее сохранения в прежних границах, то, значит, сохраняется и основа для существования и деятельности межнациональных политических движений и организаций, в том числе и партий. Могут легко представить себе, что это соображение придется по душе многим профессионалам ритуального языкознания: вот, мол, и мы тоже за единую и неделимую партию, это единственная объединяющая, интегрирующая сила, другой ведь нет. Другой действительно пока нет, с этим не спорил даже Андрей Дмитриевич Сахаров. Но и та, что есть, не годится. Может ли она стать другой? Это вовсе не исключено, но, чтобы доказать это, надо начинать становиться другой.

Во-первых, надо смириться с тем, что формальное единство национальных подразделений партии удержать нельзя, что они могут лишь воссоединиться на новой, добровольной основе, а для этого они, увы, могут захотеть сначала отмежеваться и утвердиться как независимые республиканские партии.

Во-вторых, нельзя стать другой, искусственно удерживая свою привилегию быть единственной, не предоставляя конституционного права иным, некоммунистическим партиям, возникающим в республиках (а они уже возникли), на тех или иных условиях объединяться в общесюжные.

В-третьих, придется примириться с тем, что существование нескольких партий означает их борьбу за государственную власть, то есть за реальную возможность проводить свои принципы и программы в жизнь.

В-четвертых, негарантированность власти и стремление получить доверие и поддержку людей не позволят обсуждать коренные вопросы жизни всего общества втайне от этого общества. Иными словами, многопартийность — единственная надежная гарантия демократизации самой компартии.

В-пятых, все сказанное опять-таки невозможно без нового союзного договора, без суверенитета республик.

Съезд народных депутатов еще раз показал, что не так-то легко усваиваются эти азы демократии. Не исключено, что мы столкнемся, в частности, с попытками отредактировать шестую статью таким образом, чтобы вид она приобрела другой, а смысл ее остался прежним. Заявил же с трибуны Съезда один высокопоставленный юрист, что надо убрать из Конституции относящиеся к КПСС слова о «руководящей роли» и о том, что она составляет «ядро» политической системы, оставив за ней право считаться «авангардом». Конечно, оратор был прав, утверждая, что в любом обществе всегда есть политический авангард, и нам не следует в этом отношении выделяться. Но на каком основании право быть им провозглашается монопольным и закрепляется за одной партией?

Нет уж, если КПСС хочет сохранить себя как политическую силу, то она должна сделать все возможное и невозможное, чтобы у нее появились оппоненты и конкуренты, способные взять на себя ответственность

за страну. Одной ей не справиться с грузом проблем, порождаемых углубляющимся кризисом в раздираемой межнациональными конфликтами огромной державе. Сделать это, кстати, не так просто, если даже очень захочется: в такой державе с такими конфликтами в один день серьезные оппоненты не возникают. Но теперь мы знаем, что другого спуска с орбиты тоталитаризма на грешную землю попросту не существует. По-другому можно только свалиться.

О тех, кто в оппозиции

Как известно, несколько десятков народных депутатов — членов межрегиональной группы заявили о своем несогласии с большинством Съезда по целому ряду принципиальных вопросов и признали, что тем самым они оказались в оппозиции. С точки зрения политической смелости и определенности это значительный шаг вперед по сравнению с первым Съездом; двух мнений здесь быть не может. Но это и шаг вперед в развитии нашей политической системы и политического мышления, чего, к сожалению, не поняли (или не могли понять) критики «оппозиционеров».

Да, критики правы, нам нужна консолидация всех сил. Но консолидация — это не «монолитное единство» безответственных и безответных. Консолидация сил отличается от «монолитного единства» тем, что в первом случае такие силы есть, они оформились, определились, отделились от других, а во втором — существует лишь одна сила, подмявшая под себя все остальные. Критика, прозвучавшая в адрес оппозиции, целиком подпадает под второй случай, и это, можно сказать, тяжелый случай. Ну что, казалось бы, крамольного и вредного в том, что люди отмежевываются от мер, предложенных правительством, если они с ними не согласны? Разве не в том проявляется политическая ответственность, чтобы не брать на себя ответственность за то, что считаешь неправильным? Нет, не в том, совсем не в том, если рассуждать по логике «монолитного единства». Потому что в этой логике ты только голосуешь, а не отвечаешь, отвечает же начальство, которое предлагает, но на самом деле не отвечает и оно, так как, прежде чем его предложение стало решением, за него все единодушно проголосовали. Получается, что ты отвечаешь только за то, чтобы поддержать начальство. А если не поддерживаешь, значит... значит, боишься ответственности! Разве не в этом грехе упрекали нашу новорожденную оппозицию?

Но и это еще не все. Ведь если ты не поддерживаешь существующее начальство, если имеешь свое особое мнение и хочешь отвечать только за него, да к тому же не перед начальством, а Бог знает перед кем, значит... значит, ты сам хочешь стать начальством! Значит, ты начал открытую «борьбу за власть», и этот тайный замысел оппозиционеров поспешил раскрыть перед всем миром партийный деятель областного масштаба, которому, надо полагать, его власть досталась без борьбы, то есть исключительно за примерное поведение.

Да, по уровню и качеству своего мышления критики принадлежат уходящей эпохе. Им, похоже, неизвестно, что демократия — это, помимо прочего, разделение властей, и если среди законодателей находятся люди, готовые отделить себя от правительства, а которым не согласны, и тем самым разорвать порочный круг всеобщей безответственности, то это не плохо, а хорошо, так как это еще один шаг в сторону нового мышления и поведения. Критикам неизвестно, что при демократии «борьба за власть» — это норма, а не аномалия, и чем больше людей и политических сил готовы взять на себя ответственность за судьбы страны, тем лучше для самой страны; это значит, что у нее есть выбор.

Увы, наша оппозиция не выступила как сила, претендующая на власть: для этого она слишком слаба. Она опирается в своей критике на массовые антибюрократические, антиаппаратные настроения, а не на какие-то политические структуры, институты и организации. Чтобы стать действительно межрегиональной силой (а такая сила в обстановке усиливающегося распада очень и очень нужна), ей предстоит превратить сумму общих радикальных идей и принципов в детальные программы, касающиеся и экономики, и политики, и идеологии. Ей предстоит найти ту основу, на которой межрегиональная группа могла бы стать ядром межнациональной массовой демократической организации, быть может, альтернативной КПСС. Ей предстоит, наконец, выдвинуть из своей среды общепризнанного лидера, которому доверяли бы и поборники экономической свободы и эффективности, и те, кто недоволен бюрократией в первую очередь потому, что она попирает принципы равенства и социальной справедливости.

Убежден: самой компартии такая организация не помешает, как не помешала польской компартии «Солидарность», а, наоборот, помогла сохраниться ей как реальной политической силе, подтолкнула к глубокой внутренней перестройке. Но убежден и в том, что нашей оппозиции до всего этого пока далеко. И потому правящая группа серьезной конкуренции слева может пока не опасаться. Другое дело, выгодно ли это самой правящей группе, по плечу ли ей груз ответственности, которую не с кем разделить.

А кризис между тем пока не остановлен. Если судить по опыту других соцстран, то многие серьезные экономические трудности у нас не позади, а впереди. Властям еще не раз придется прибегать к непопулярным мерам. А осуществление непопулярных мер население может доверить лишь популярному правительству. В Польше «команда» Мазовецкого сегодня пошла гораздо дальше по пути реформ, затрагивающих, причем весьма существенно, жизненный уровень миллионов людей, чем намеревалось предыдущее правительство два года назад. Но тогда поляки высказались против. Сейчас они готовы потерпеть, хотя, разумеется, их терпение не беспредельно, это мы видим уже сейчас.

Да, доверие к власти — это сегодня для нас вопрос вопросов, проблема проблем. И потому, быть может, стоит прислушаться к все настойчивее звучащим предложениям о введении поста президента, избираемого

всем населением страны? Если эту идею выдвигают такие разные политические деятели, как председатель Комитета конституционного надзора Сергей Алексеев и один из лидеров межрегиональной группы Борис Ельцин, то, быть может, идея эта, вернее, ее реализация, и способна стать исходным пунктом той консолидации, которой все хотят, но от которой мы, похоже, уходим все дальше? Быть может, груз сегодняшних проблем таков, что поднять его в состоянии лишь власть, пользующаяся безграничным доверием большинства народа и — что особенно важно — не зависящая ни от кого, кроме народа?

Январь, 1990

ДО И ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

О причинах и результатах созыва внеочередного, третьего Съезда народных депутатов

Почему Горбачев согласился на президентскую систему?

До лета 1989 года, а точнее — до первого Съезда народных депутатов вопрос о содержании и целях проводимых в Советском Союзе реформ большинству либерально-демократически настроенных интеллектуалов казался (в теоретическом плане) довольно простым. Его, этот вопрос, понимали в том смысле, что стране предстоит осуществить переход к рыночной экономике и политической демократии, что одно без другого невозможно, а потому то и другое нужно внедрять одновременно. Если же рыночные отношения и демократия входят в нашу жизнь медленно, то это, мол, результат нерешительности инициаторов перестройки, а не следствие каких-то сложных проблем, требующих углубленного теоретического исследования. При этом оппозиционно ориентированные слои общества — за исключением небольших групп вроде членов «Демократического союза» — исходили в то время из того, что разногласия между ними и группой Горбачева одних только темпов преобразований и касаются.

Такое представление жило довольно долго: его высказывал Ельцин в Америке, оно доминировало и в выступлениях членов межрегиональной группы на втором Съезде народных депутатов, где «левые радикалы» упрекали Горбачева в недостаточной решительности, в том, что слишком робко и медленно двигается он по пути реформ.

Однако уже на первом Съезде наметилось другое, гораздо более глубокое расхождение позиций, которое долго не осознавалось как принципиальное и оставалось на периферии ведущихся в СССР политических дискуссий. Я имею в виду резко негативную реакцию Сахарова и некоторых других депутатов на совмещение высших постов в партии и государстве — Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР. Сахаров говорил, что это совмещение в сочетании с бюрократической, безальтернативной процедурой выборов Председателя Верховного Совета несовместимо с провозглашенным курсом

на демократизацию, что это ведет к сосредоточению огромной власти в руках одного лица с непредсказуемыми последствиями. Сахаров предлагал тогда президентскую систему с прямыми и альтернативными выборами, мысль о которой к тому времени получила уже довольно широкое распространение в обществе; она была хорошо известна и в «коридорах власти».

Но это разногласие впоследствии отошло на второй план, исчезло с поверхности политической жизни. Причина, очевидно, заключалась в том, что совмещение двух ключевых постов не выглядело исходным пунктом движения к установлению личной диктатуры. Более того, после событий в Тбилиси и всплеска негодования, которое вызвали они в обществе, центральная власть стала чрезвычайно осторожно относиться к использованию насилия. Она пыталась политическими средствами урегулировать не только конфликт с забастовавшими шахтерами (что либеральная часть общества приветствовала), но и ликвидировать блокаду Армении и конфликт на советско-иранской границе (что вызвало со стороны многих либералов упреки в нерешительности — на этот раз нерешительности не в проведении реформ, а в наведении порядка).

Вместе с тем начали раздаваться голоса, что у Горбачева, несмотря на совмещение высших постов, власти не много, а, наоборот, мало, так как у него нет полномочий для того, чтобы контролировать выполнение законов и для принятия чрезвычайных мер в кризисных ситуациях. Это соображение было высказано, в частности, осенью прошлого года в «Литературной газете» народным депутатом С. Алексеевым, который через некоторое время станет председателем Комитета конституционного надзора. Вновь выплыла на поверхность идея президентской системы, но не в том контексте, в каком идея эта звучала у Сахарова на первом Съезде: не как способ демократизации или, говоря точнее, ликвидации тоталитарно-партийных структур посредством прямых и альтернативных выборов Президента и отказа от практики совмещения постов, а как средство усиления власти первого лица после того, как совмещение высших постов стало фактом, но оказалось недостаточным с точки зрения исполнительских полномочий для того, чтобы оперативно вмешиваться в ситуацию. Существенную роль в возникновении представлений о том, что Горбачеву не хватает власти, сыграло то, что в условиях растущего недоверия к партии и провозглашенного курса на разделение функций между нею и государством реальное вмешательство в конфликтные ситуации по линии партаппарата стало весьма затруднительным и малоэффективным. А других институтов повседневного управления, кроме партийных, в распоряжении Председателя Верховного Совета и Генерального секретаря ЦК КПСС, по сути дела, не было.

Поначалу, однако, Горбачев идею президентского правления в нескольких публичных выступлениях категорически отверг. Он отверг ее, очевидно, потому, что идея сильной личной власти была крайне непопулярна среди большинства либерально-демократической интеллигенции и широких слоев населения (о чем свидетельствует, в частности, дискус-

сия в «Литературной газете» о «железной руке», начатая публикацией 16 августа прошлого года нашего с А. Миграняном диалога по вопросам перехода от тоталитаризма к демократии). С другой стороны, к ней настороженно относились и в высших эшелонах партийно-государственного руководства, о чем можно судить по выступлениям в центральной печати членов Политбюро Е. Лигачева и В. Медведева или, скажем, по тем возражениям, которые вызвали осенью прошлого года на второй сессии Верховного Совета предложения о введении президентской системы у Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР В. Воротникова.

Возможно, настороженность со стороны аппарата казалась Горбачеву более существенной. Ведь если бы он не принимал идею президентской системы в первую очередь потому, что опасался негативной реакции общества, которое могло воспринять линию на усиление его власти как откат назад, как разрыв с курсом на демократизацию, то при прямых и альтернативных выборах все эти сомнения были бы сняты. Но идти на прямые выборы как раз и означало вступить в конфликт с партийным и государственным аппаратом, который не был заинтересован в появлении неподконтрольной ему исполнительной власти, источником легитимности которой является непосредственно народ. Кроме того, не было, очевидно, и полной уверенности в победе на таких выборах.

Оставались выборы Президента Съездом народных депутатов, большинство которого послушно руководству. Но и этот вариант довольно долго отвергался. Наверное, он тоже не мог не смущать представителей высшей партийной власти, опасавшихся даже малейшего увеличения степени независимости от них их лидера и реального, а не символического смещения центра власти от партийных структур к государственным.

Горбачеву же принять на себя исполнительную власть означало бы персонифицировать всю полноту ответственности в весьма неблагоприятной обстановке при отсутствии четкой и законодательно оформленной программы выхода из кризиса.

Насколько могу судить, принять идею президентской системы заставили события, которые, как стало очевидно после трагедии в Баку, приобретают все более неуправляемый характер. Незадолго до февральского Пленума ЦК КПСС, 31 января 1990 года, «Правда» опубликовала беседу политологов за «круглым столом», некоторые участники которой высказались за усиление личной власти инициатора перестройки, а редакция газеты впервые поддержала такую точку зрения. В одном из следующих номеров была опубликована подборка писем читателей, в которых они целиком и полностью солидаризировались с этой идеей. Разумеется, такие публикации — очень плохое и крайне неточное зеркало реальных политических настроений населения: напомним, что подавляющее большинство читателей, приславших свои отклики в ходе упомянутой дискуссии в «Литературную газету», мысль об усилении власти руководителей страны безоговорочно отвергли. Но подобные публикации — важное

свидетельство эволюции настроений в окружении Горбачева и его самого.

Еще через несколько дней эта идея от имени Политбюро была предложена февральскому Пленуму ЦК, и он ее принял. Тем самым было признано, что кризис в обществе и в партии настолько глубок, что интересы самосохранения самого партаппарата требуют увеличения полномочий первого лица партаппаратной иерархии, а это в сложившихся условиях было возможно лишь посредством перемещения центра власти от партийных структур к государственным. Показательна в этом смысле эволюция Воротникова, который на пленуме публично признал свое бывшее отрицательное отношение к президентской системе ошибочным (см. «Правда», 7 февраля 1990 г.). Разумеется, речь шла о выборах Президента управляемым Съездом народных депутатов (который специально для этого пришлось собирать досрочно), а не неуправляемыми избирателями.

Этот шаг в сторону усиления личной власти очень важен для понимания хода и основных тенденций перестройки. Его недемократичность (не прямые, а косвенные выборы на недостаточно представительном Съезде) позволяет предвидеть, что в перспективе он может способствовать не смягчению, а углублению противоречий, а сама его направленность в сторону усиления личной власти позволяет более определенно высказаться об объективной логике развертывающегося в стране политического процесса.

От тоталитаризма к авторитаризму

Когда я в «Московских новостях» (2 июля 1989 г.), а затем в «Литературной газете» в ходе уже упоминавшейся беседы с А. Миграняном высказал предположение, что переход к рыночной экономике в стране будет осуществляться в рамках авторитарного, а не демократического режима и что линию на совмещение высших постов можно рассматривать как первый шаг в данном направлении, то это вызвало целый поток возражений в советской печати, а также в западной эмигрантской (например, со стороны А. Некрича).

При этом критики главное внимание уделяли абстрактному, с их точки зрения, характеру моей аргументации, произвольному использованию исторических аналогий.

Действительно, я исходил из того, что существует мировой опыт перехода к современной рыночной экономике, которая обычно называется капиталистической, и этот опыт может служить определенным теоретическим ориентиром при анализе и прогнозировании хода событий в Советском Союзе. Естественно, ориентиром самым общим, приблизительным, не подменяющим конкретное исследование происходящих в стране оригинальных и даже уникальных событий, а способным стать той точкой отсчета, тем историческим фоном, на котором эта оригинальность проступает более ярко, отчетливо, рельефно. Такой подход к ре-

альности — действительно весьма абстрактный — был тем более оправдан, что политический процесс в Советском Союзе только начинался, его внутренняя логика на поверхности общественной жизни скольконибудь отчетливо еще не проступала, и потому тем более важно было иметь исторический ориентир, который позволял бы совмещать и интерпретировать разрозненные факты формирующейся, но еще совершенно непонятной новой реальности.

О чем же свидетельствует мировой опыт перехода к современной рыночной экономике? Если ограничиться самым абстрактным уровнем анализа — а это в нашем случае вполне оправданно, — то он свидетельствует о том, что такой переход осуществлялся, как правило, в рамках не демократических, а авторитарных политических режимов. Скажем, в западноевропейском регионе это были сначала абсолютистские, а затем — после революций — бонапартистские режимы, в Латинской Америке XX века — военные диктатуры. Такого рода режимы не всегда были жесткими и кровавыми, они не всегда опирались непосредственно на силу. Бывали случаи, когда экономическая модернизация происходила относительно мягко, когда, опираясь на не утратившие своей интегрирующей роли традиции монархического правления и присоединенные к нему элементы современной демократии, а также благодаря экономической поддержке развитых стран Запада удавалось избежать резкой поляризации и конфронтации интересов. Так было в некоторых странах Северной Европы. Но и эти факты не опровергают общий тезис, согласно которому современные рыночные отношения начинают обычно формироваться в рамках авторитарных режимов. Такого рода факты свидетельствуют лишь о том, что иногда бывает достаточно традиционных авторитарно-монархических механизмов, которые оказываются способными постепенно и органично соединяться с элементами демократии, а в других случаях, как, например, во Франции XVIII или в России XIX — начала XX века, это не получается, конфронтации интересов избежать не удается, а из конфронтации вырастают более жесткие авторитарные структуры. Бывает и так, что на первых порах это получается (Германия при Бисмарке), а потом выясняется неорганичность такого рода развития для данной страны, что ведет к тупиковым вариантам типа нацистского тоталитаризма.

Эта общая логика проявлялась и в коммунистических государствах в те периоды, когда там пытались открыть простор рыночным отношениям. В Советской России периода нэпа (1921—1929 гг.) развитие товарного производства и рынка вовсе не сопровождалось демократизацией политического режима. Наоборот, осуществив переход к нэпу, Ленин занялся не столько демократизацией — после разгрома «рабочей оппозиции» он о ней вообще не говорит, — сколько укреплением государственного аппарата и созданием механизмов, способных обеспечить единство в высших эшелонах партийного руководства.

При авторитарных режимах начинался и переход к рыночным отношениям в странах Восточной Европы (режим Тито в Югославии, Кадара

в Венгрии, Ярузельского в Польше). То же самое — в Китае (реформы Дэн Сяопина). Опыт этих стран свидетельствует о том, что движение в сторону рыночных отношений в условиях коммунистического тоталитаризма сопровождается эволюцией этого тоталитаризма в коммунистический же, т. е. продолжающий опираться на партийную монополию, авторитаризм *. Примерно в такой же логике рассматривает, кстати, эволюцию данной группы стран Збигнев Бжезинский в своей книге «Большой провал», хотя в 1988 году, когда вышла его работа, еще было слишком мало материала, чтобы наполнить эту схему конкретным содержанием.

Особенность СССР в том, что он стал первой страной с тоталитарным режимом, где реформы начались не с создания рыночных секторов экономики при сохранении прежних структур власти, а с демократизации политической системы. Это и вызвало у многих иллюзии, что переход к рынку будет осуществляться сразу через демократию, минуя авторитаризм. Эти иллюзии укреплялись по мере того, как в Восточной Европе реформаторские коммунистические авторитарные режимы начали сменяться плюралистическими многопартийными системами, а избежавшие реформ режимы в ГДР, Чехословакии и Румынии рухнули в результате народных революций, которые действительно сразу, действительно минуя коммунистический авторитаризм, открыли дорогу многопартийности, в условиях которой этим странам и предстоит теперь осуществить переход к рыночной экономике.

Но если все же учесть, что такой переход там еще не осуществлен и как он будет происходить, неясно, если все же посмотреть на происходящее в Советском Союзе не сквозь призму желаемого будущего, а сквозь призму уже отстоявшегося прошлого опыта движения к современным рыночным отношениям, то при всей абстрактности этой схемы она позволяет увидеть нечто весьма существенное. Она позволяет увидеть, что начавшаяся в СССР демократизация — это пока не столько альтернатива авторитаризму, сколько специфическая форма движения именно к авторитаризму, являющаяся производной от некоторых важных особенностей исторического развития страны. И вот это-то обстоятельство и прошло мимо внимания советских и зарубежных критиков моей позиции. Они усмотрели в ней лишь отвлеченные исторические аналогии, а в результате не смогли, как мне кажется, обрести исторический угол зрения на реальные политические процессы и оказались в плену иллюзий. В результате вызвавший всеобщее недовольство либерально настроенной публики факт совмещения двух высших постов был вскоре забыт; никто даже не пытался осмыслить его теоретически, подвергнуть

* Авторитаризм отличается от тоталитаризма тем, что, ограничивая в той или иной мере политические свободы, он не покушается на свободу в экономической и духовной жизни. При тоталитарном же режиме все области человеческого существования в большей или меньшей степени находятся под непосредственным контролем партийно-государственного аппарата.

политологическому анализу. Первые такие попытки появились много месяцев спустя, да и то лишь в «самиздатовской» прессе.

Теперь, после того как взят курс на усиление власти Горбачева посредством создания президентской системы (без прямых выборов), объективная логика движения в сторону авторитаризма вряд ли может вызывать сомнения. Вместе с тем этот факт проливает свет и на ряд предшествующих событий, позволяет лучше рассмотреть их внутреннюю связь.

Апрель 1985 — февраль 1990

Сегодня для многих уже не прозвучит откровением, что перестройка в СССР, включая сам факт прихода Горбачева к власти, началась не потому, что бывшие руководители страны устыдились однажды всего содеянного ими и решили наконец позаботиться не только о себе, но и о своем народе. Нет, «партия начала перестройку» (любимая фраза сторонников сохранения партийной монополии) вовсе не потому, что вспомнила о народе, а потому, что высшее партийное руководство вынуждено было пойти на это ради сохранения своих позиций у власти.

В конце 70-х — начале 80-х годов стало ясно, что советская хозяйственная система, бывшая конкурентоспособной по отношению к Западу в одной-единственной области — в области производства вооружений, — при современной смене типа технологии становится неконкурентоспособной и в этой сфере. Стало ясно, что для поддержания конкурентоспособности — а именно она была основой внутренней стабильности режима и подпитывала субъективную уверенность находящегося у власти слоя в его праве руководить страной, — нужны какие-то новые, более решительные меры и нестандартные действия. Это вызвало потребность в новом лидере с реформаторскими потенциями. Так произошло выдвижение Горбачева. Повторяю: он был выдвинут партаппаратом только потому, что в высших эшелонах этого аппарата стала ощущаться невозможность удерживать власть прежними средствами.

Но Горбачев довольно быстро должен был почувствовать, что он не сможет ничего сделать, если будет оставаться только ставленником аппарата и не попытается стать выразителем общенационального, а точнее — межнационального, то есть общегосударственного интереса, рупором назревших потребностей общественного развития, которые с корпоративным интересом аппарата не совпадали. Но для того, чтобы стать выразителем интересов, не совпадающих с интересами правящего слоя, нужно было получить определенную свободу действий по отношению к этому слою. Нужно было, говоря иначе, попробовать увеличить свои властные полномочия.

Думаю, что именно это противоречивое положение Горбачева привело к тому, что он попытался подключить к политической борьбе внутри аппарата внешнюю силу — общество. Для этого его нужно было разбудить от долгой спячки, что и было начато решениями январского Плену-

ма ЦК КПСС 1987 года, провозгласившего политику гласности. Вскоре после этого в официальный политический обиход начало входить слово «плюрализм» — разумеется, еще не политический, а «плюрализм нейный», но так как и мнения допускались не все, то существовавшее «плюрализм» неизменно сопровождалось прилагательным «социалистический».

Однако довольно быстро выяснилось, что общество, которому разрешено лишь высказывать свое мнение, не может реально влиять на деятельность политических институтов, живущих по своим законам и обществу реально не подконтрольных. Ведь вполне очевидно, что институты эти только потому и могли скрепя сердце согласиться на гласность, что она ограничивала лишь принадлежащую им духовную монополию, не затрагивая политических механизмов их власти. Они могли согласиться на гласность только потому, что полагали, будто общество, получив от них глоток свободы, станет более управляемым и активным в выполнении их директив и в знак благодарности сознательно переложит на себя часть ответственности с плеч аппарата, не требуя взамен ни капли дополнительных полномочий. Когда же стало обнаруживаться, что освобождающееся от аппаратной опеки общественное мнение не только не испытывает благодарности, но начинает покушаться на существующие механизмы власти, то люди, эту власть олицетворявшие, не только не бросились «перестраиваться» в соответствии с пожеланиями осмелевшей прессы, но стали целеустремленно и резко высказывать недовольство политикой гласности, дискредитирующей их в глазах населения.

Это новое противоречие привело к тому, что реформаторская группа Горбачева взяла курс на подключение общества и к формированию политических институтов, сохраняя вместе с тем нетронутой гегемонию партийного аппарата. Компромисс между ним и обществом, которому был открыт некоторый доступ к формированию Советов посредством более свободных выборов, был зафиксирован в решении XIX партконференции о совмещении постов первых секретарей партийных комитетов и председателей Советов. Наверное, аппарат позволил реформаторскому руководству отступить еще на один шаг только потому, что надеялся, сохранив зависимый и управляемый характер Советов, сделать их более дееспособными и одновременно перенести на них растущее общественное недовольство, провозгласив, что вся власть отныне принадлежит только им. Вовсе не исключено, правда, что такие настроения не были чужды в то время и самому руководству.

Здесь, в этой точке перестройки, Горбачев впервые столкнулся с открытым сопротивлением той генерации интеллектуалов, которая именно ему была обязана своим выдвижением (см., например, выступление на конференции академика Л. Абалкина). Генсеку пришлось выслушать упреки в том, что совмещение постов лишь усилит всевластие партаппарата, легализуя это всевластие, что такое решение вопроса придает пародийный характер провозглашенному курсу на разделение функций пар-

тии и государства. Горбачев пытался раскрыть своим оппонентам глаза на якобы не замеченное ими демократическое зерно предлагавшейся меры, которая, по его мнению, позволит не только партии осуществлять контроль над Советами, но и Советам над партией (секретарь партийного комитета, не избранный председателем Совета, лишается возможности оставаться секретарем). Однако это объяснение убедило немногих. Большинство полагало, что реальное полномочие партаппарата позволит ему контролировать в своих интересах любую избирательную процедуру.

В итоге же произошло то, чего не предвидел никто. До совмещения постов дело вообще не дошло. Горбачеву пришлось — в нарушение решений конференции — объявлять совмещение необязательным именно *в интересах* партийного аппарата, а не вопреки им. Потому что выборы в марте 1989 года обнаружили полную несовместимость власти этого аппарата с демократизацией, даже частичной. Выборы показали, что он силен только как главный элемент, как ведущее звено тоталитарного режима, опирающегося на ложь и насилие, а в обстановке гласности и даже ограниченной избирательной свободы он обнаруживает полную свою нелегитимность или, что то же самое, полную неспособность вызывать доверие людей.

С этого момента на политической сцене появилась новая сила в лице широких слоев политизирующегося населения. Это был, без сомнения, один из ключевых моментов перестройки. С одной стороны, он оказался серьезным, причем никем не запланированным продвижением по пути демократизации, что вызвало настоящую эйфорию в обществе. С другой стороны, он углубил старые и вызвал к жизни новые противоречия.

Во-первых, резко обострилось противоречие между партаппаратом, особенно местным, который в первую очередь и пострадал на выборах, в то время как все московские члены Политбюро прошли без борьбы по партийному списку, и реформаторской группой Горбачева, что отчетливо проявилось на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1989 года. Руководители партийных органов впервые, может быть, отчетливо осознали, что под угрозой уже не просто их репутация, а их власть. Им стало ясно, что многие из них проиграют и местные выборы, а значит, потеряют и свои посты. Стремясь уладить этот конфликт, Горбачев пошел на определенные уступки. Тогда-то и было отменено решение о совмещении постов, а сроки выборов в местные Советы были отодвинуты на полгода (чтобы партийные органы «могли подготовиться»). Существенно, однако, что Горбачев пошел на отмену решения о совмещении постов лишь после того, как сам он приобрел второй пост на первом Съезде народных депутатов. Это составляло, как мне представляется, ключевое звено в его политической стратегии, направленной на расширение зоны его самостоятельности по отношению к партийному аппарату.

Во-вторых, в среде либеральной интеллигенции стали вскоре раздаваться голоса, ставившие под сомнение сам курс на демократизацию как несвоевременный. Эти люди считали, что в условиях, когда отсутствуют

даже зародыши рыночной экономики, когда нет гражданского общества и не существует никаких реальных властных структур, кроме партийных, демократизация ни к чему, кроме дестабилизации, не ведет и привести не может; она делегитимизирует, разрушает старые институты власти, не заменяя их новыми, порождая тем самым вакуум власти. Факты, свидетельствовавшие в пользу таких выводов, у всех были перед глазами: дестабилизация после мартовских выборов прошлого года действительно усилилась, конфликты в социальной и межнациональной почве превращались в печальную повседневность. К тому же все отчетливее становилось видно, что демократизация ведет не к рынку и изобилию, а к пустым прилавкам.

Интеллектуалы, рассуждавшие подобным образом, исходили из того, что нужно было начинать реформы так, как делали это Кадар в Венгрии и Дэн Сяопин в Китае, то есть с создания секторов рыночной экономики, используя не демократию, которая без рынка не имеет почвы, а рычаги авторитарной власти, опирающейся на существующие аппаратные структуры и постепенно преобразовывающей их посредством демократизации не всего общества сразу, а поначалу только партии, вводя прямые выборы первых секретарей райкомов, горкомов, а затем и обкомов. Правда, в Венгрии, а тем более в Китае ничего похожего на такое самореформирование партии не происходило, но критики советской демократизации считали, что такое вполне возможно. Эта точка зрения самое отчетливое и развернутое выражение получила у А. Миграняна, уже несколько лет разрабатывающего концепцию последовательного реформистского перехода от тоталитаризма к демократии через авторитаризм (наиболее полное ее изложение см. в «Новом мире», 1989, № 7).

Мне представляется, однако, что такая стратегия в Советском Союзе не могла быть осуществлена в силу его принципиальных отличий и от Венгрии, и от Китая, и от всех других стран с тоталитарными режимами. То, что реформистский переход от коммунистического тоталитаризма к рынку и демократии трудно представить себе без авторитарного этапа, на протяжении которого сохраняется партийная монополия на власть,— это сомнений не вызывает, хотя и в данном отношении Советский Союз не совсем повторяет опыт других стран, о чем я еще скажу подробнее. Правда, теперь мы знаем, что возможен и иной, революционный путь освобождения от тоталитаризма, когда партийная монополия ликвидируется сразу и окончательно (ГДР, Чехословакия, Румыния). Но Советский Союз пока идет реформистским путем, при котором тенденция к авторитаризму отчетливо просматривается, хотя и в особой, оригинальной форме. Однако, повторю еще раз, эта тенденция не могла реализоваться иначе, чем через демократизацию.

Дело в том, что в СССР тоталитаризм, если можно так выразиться, наиболее тотален, он не только проник во все сферы и поры общества, но и успел за семьдесят с лишним лет коренным образом преобразовать их, всецело приспособить к себе. Скажем, ни в Венгрии, ни в Китае, ни в большинстве других стран такого типа не удалось уничтожить кре-

стьянство: те же китайские коммуны не успели стать такой прочной, органически сросшейся с партийно-государственной тоталитарной системой управления ячейкой хозяйствования, как советские колхозы. Поэтому в Китае освобождение крестьян от тоталитарной опеки и создание рыночного аграрного сектора высшее руководство могло начать, не вступая в серьезный конфликт с партаппаратными институтами власти и не затрагивая их коренных интересов. К тому же китайский крестьянин не успел социально и психологически интегрироваться в противостественные коммуны, он сохранил социальную память и трудовую мораль. Поэтому властям не нужно было думать о том, как вернуть крестьянину желание свободно хозяйствовать на земле; крестьянин потребовал этого сам, власти лишь пошли ему навстречу.

Совсем иное дело — в Советском Союзе, где колхозы стали важным и органичным звеном тоталитарной системы. Поэтому здесь любые попытки поставить под сомнение устои колхозного строя затрагивают интересы широких аппаратных слоев, выбивают у них почву из-под ног. К тому же они могут в своей борьбе против попыток подорвать колхозную монополию апеллировать к настроениям широких слоев деревенского населения, у которых социальная память и трудовая мораль в значительной степени уничтожены, в сознании и поведении которых доминируют уравнилельные и перераспределительные мотивы и где почти не осталось места идеям предприимчивости и частной инициативы. Отсюда такое отчаянное сопротивление, которое долго вызывали все предложения о том, чтобы уравнять в правах колхозы с крестьянами, желающими хозяйствовать свободно и независимо, поставить их в одинаковое экономико-юридическое положение с точки зрения права собственности и тем самым способствовать развитию между ними конкурентных отношений.

В такой обстановке никакой реформатор не смог бы начать развязывание конкурентно-рыночных отношений в аграрном секторе, опираясь на действующие политические структуры. В такой ситуации все объективно толкало его к тому, чтобы попробовать приобрести определенную независимость от существующего аппарата и одновременно начать формирование новых институтов власти. Иначе, чем через пробуждение и подключение общества, то есть иначе, чем через демократизацию, сделать это было невозможно. В этом — мое несогласие с теми, кто полагает, что перестройка пошла ошибочным путем и что можно было начинать формирование товарно-рыночного уклада по венгерскому или китайскому образцу. Но в этом же — и мое несогласие с очень многими либерально ориентированными интеллектуалами, которые не видят, что демократизация с самого начала являлась в первую очередь лишь той формой, посредством которой пробивает себе дорогу тенденция усиления личной власти реформатора, ее вычленения из старых аппаратных структур.

Думаю, что одним из мотивов введения такого института, как Съезд народных депутатов, как раз и было стремление получить дополнитель-

ный источник власти (наряду с аппаратом и репрессивными органами) в виде собрания народных представителей. Очевидно, это должно было, по замыслу, придать власти лидера и недостающую ей легитимность, хотя последующие неудачи перестройки свели тот замысел на нет. Компромисс на этом этапе между группой Горбачева и партаппаратом оказался возможным потому, что тезис о политической монополии партии Горбачевым тогда не только не подвергался сомнению, но категорически отстаивался, а это означало, что вся реальная власть и впредь должна принадлежать не Съезду депутатов, а Политбюро и ЦК, которые сохраняли контроль над Председателем Верховного Совета. Вместе с тем в глазах представителей высших эшелонов партийной иерархии такая «демократизация» тоже могла выглядеть выгодной, так как она позволяла поделить политическую ответственность с новыми структурами, не делясь с ними властью.

Похоже, однако, что борьба между консервативным крылом партаппарата и группой Горбачева завершилась в итоге усилением позиций Горбачева. Почти сразу же после первого Съезда народных депутатов, в сентябре 1989 года, он, получив новый источник власти, произвел очередные перемещения в Политбюро, одновременно обновив его. В начавшемся затем цикле борьбы, когда напуганные предстоящими выборами партийные функционеры на местах попытались перейти в контрнаступление (митинг Гидаспова в Ленинграде), когда не только на местах, но и в центре начали упрекать Горбачева в отказе от социализма и в том, что именно демократизация повинна в дестабилизации, распаде партии и государства и всех прочих неудачах перестройки, ее инициатор сделал еще один шаг влево.

С одной стороны, Горбачев в начале этого года пошел на углубление процесса демократизации, прежде всего в партии. В борьбу с окостеневшими и непопулярными партаппаратными структурами были вовлечены рядовые коммунисты, что привело к отставке руководителей ряда крупных обкомов. В этой ситуации, усугубившейся расколом литовской компартии и трагедией в Баку, даже самые отъявленные консерваторы не рисковали уже настаивать на сохранении партийной монополии на власть, которую (монополию) они так яростно отстаивали всего несколько недель назад на втором Съезде народных депутатов.

Вместе с тем Горбачев использовал углубление демократизации и растущую политическую активность населения для создания предпосылок перемещения власти от партии к государству. По мере нарастания неуправляемости и при отсутствии у консерваторов какой-либо собственной программы выхода из кризиса у него появились реальные потребности и основания для увеличения своей собственной власти, для введения президентской системы. И обессиленный, не имеющий никакой альтернативы, абсолютно нелегитимный партаппарат уже не мог этому противостоять.

Так к февралю нынешнего года советская демократизация выявила, наконец, свою не совсем явную логику, выявила заложенную в ней тен-

денцию создания предпосылок для авторитарности. Я вовсе не то хочу сказать, что введение института президентства означает абсолютное увеличение власти Горбачева. Я хочу сказать лишь то, что власть эта становится более личной, перестает быть растворенной в «коллективном руководстве», то есть зависимой от Политбюро и ЦК. Это даже не столько реальное усиление власти, сколько ее высвобождение из-под партаппаратной опеки при удержании традиционной опоры на сохраняющие управляемость армию и органы безопасности.

Перспективы

После февральского Пленума ЦК уже не вызывает никаких сомнений то, что СССР, встав на путь перестройки, подтвердил закономерность, отчетливо проявившуюся в ходе реформ в восточноевропейских странах, прежде всего в Венгрии и Польше. Закономерность эта заключается в том, что монополюльно правящая партия может лишь начать реформы, но завершить их она не в состоянии, так как по мере ослабления механизмов тоталитарного контроля над обществом — а без такого ослабления нельзя даже начать преобразования — обнаруживается нелегитимность партаппаратных структур и невозможность при отсутствии легитимности осуществлять функции власти. В такой ситуации допущение к власти других политических сил — партий или движений — и эволюция в сторону многопартийной системы неизбежны. Хочу еще раз подчеркнуть, что такое отступление совершается не из любви к демократии, а в силу того, что добровольный переход к многопартийности является для компартий единственным способом самосохранения себя в качестве реальной политической силы, способной конкурировать с другими силами, хотя и без гарантий на лидерство и даже более того — без надежд на сколько-нибудь серьезный успех.

Конечно, в Советском Союзе в начале февраля сделан только шаг в этом направлении. Но уже возникли и продолжают возникать новые партии, и руководство КПСС через подконтрольные ему средства информации демонстрирует по отношению к ним свою лояльность и всячески поощряет их, но делает оно это, похоже, потому, что конкуренции с их стороны в ближайшее время не опасается, зато побаивается конкурентов в своей собственной партии в лице сторонников и — особенно — лидеров «Демократической платформы», пытается поэтому освободиться от них еще до XXVIII съезда или по крайней мере не допустить их на съезд, чем и было вызвано нашумевшее открытое письмо ЦК КПСС к коммунистам страны. Это значит, что определенные силы в руководстве партии стремятся, используя существующую в многомиллионной КПСС огромную силу политической и организационной инерции, обеспечить ее формальное единство на правоцентристской основе, заблокировать ее дальнейшую демократизацию и благодаря этому сохранить монополию в условиях многопартийности. Что-то подобное сделать, конечно, можно. Но если Президент страны надолго свяжет свою

судьбу с партией политической инерции, то его авторитет будет падать, а вместе с авторитетом будут иссякать и его реформаторские возможности.

Если же Горбачев продолжит линию на демократизацию КПСС, отказавшись от сложившейся во времена монополии концепции «партии-авангарда», за которой (концепцией) стоит всего-навсего стремление сохранить высокооплачиваемый партийный аппарат и влиять через него на формирование государственных органов, то не исключено, что Советский Союз, развиваясь в русле общих закономерностей перехода от тоталитаризма к демократии, и в дальнейшем обнаружит в этом развитии некоторые оригинальные черты. Возможно, что реальный отказ от партийной монополии на власть и одновременный курс на усиление личной власти руководителя страны путем введения президентской системы позволит не повторять логику политического развития Югославии, Венгрии, Польши, Китая, то есть не проходить в ходе реформ через особый этап коммунистического авторитаризма. Президентское правление Горбачева может получить — по крайней мере на некоторое время — определенную легитимизацию именно потому, что режим сильной личной власти будет складываться не на основе партийной монополии, а в результате отказа от нее, не на основе блока с правыми, а в результате разрыва с ними. Но для этого придется пойти на союз с демократическими силами в партии, попытаться возглавить их, решительно отказавшись от всех без исключения принципов, которые соответствовали сущности и функциям партии-монополии и которые совершенно несовместимы с деятельностью партий демократических.

Если это произойдет, то Горбачев может сохранить гораздо более сильные позиции, чем, например, Ярузельский, который, несмотря на президентский пост, отодвинут на второй план правительством Мазовецкого. Дело в том, что у нашего Президента нет такого мощного, пользующегося народной поддержкой политического конкурента в масштабе страны, каковой для Ярузельского стала «Солидарность». Наши оппозиционные силы, попытавшиеся объединиться для того чтобы потребовать от властей проведения «круглого стола», довольно быстро убедились в том, что у них нет сил заставить правительство начать с ними переговоры не только потому, что они не могут выработать единую программу для ведения таких переговоров, но и потому, что центральная власть чувствует себя достаточно сильной и в таких переговорах не нуждается.

Кроме того, в глазах поляков Ярузельский все же олицетворяет военный переворот и военную диктатуру. Горбачеву же мешает только то, что он являлся порождением старых, утративших кредит доверия структур власти, и не порывает с ними окончательно. Можно предположить, что его сдерживало в этом отношении отсутствие новых институтов власти на местах, где советские органы прочно срослись с партийными, доверием населения не пользовались и потому политической опорой перестройки служить не могли. Насколько можно судить уже сейчас,

выборы в местные Советы в ряде регионов создали основу для того, чтобы такие демократические институты со временем сформировались, а это, в свою очередь, может способствовать тому, что и Президент завершит перемещение центра своей власти от партийных структур к государственным, так как такое перемещение осуществится в других звеньях политической системы. Однако уже сейчас очевидно и другое, а именно, что отношения Президента с демократически избранными органами власти будут складываться не обязательно гладко, о чем можно судить по президентскому указу, лишившему исполком Моссовета его конституционных полномочий по проведению массовых мероприятий в центре города в тот момент, когда стало ясно, что во главе Моссовета оказался один из лидеров Межрегиональной депутатской группы и демократического крыла в КПСС, Гавриил Попов. Разумеется, это не случайный эпизод нашей политической жизни, в чем никаких уже сомнений не оставил первый Съезд народных депутатов России. Горбачев постарался сделать все, чтобы Ельцин не оказался в главе республики. Более того, когда «центру» пришлось реально выбирать между «левыми» и «правыми», которые до того считались одинаково вредными, «центр» предпочел «правого» Полозкова. Значит, правоцентристский блок вполне возможен, а левоцентристский пока сомнителен, и если тут и мыслимы какие-то перемены, то лишь под влиянием левеющего общества и, соответственно, левеющих парламентариев.

Но если даже такого рода недоверие со временем исчезнет, если сверху донизу возникнут органы государственной власти, заинтересованные в ускоренном движении по пути реформ — в ближайшем будущем это невозможно, но я специально рассматриваю предельно благоприятный вариант, — то и тогда нельзя будет утверждать, что все проблемы и опасные повороты у Горбачева будут позади. Наоборот, тогда они снова окажутся впереди. При этом трудности, которые его ждут, несоизмеримы с теми, с которыми он уже столкнулся. Ведь создать новые институты власти, желающие, в отличие от партаппарата, действительно осуществлять реформы, — это важно, но это лишь часть задачи, причем не главная, в глазах основной массы населения даже второстепенная, несущественная. Главное в том, сумеет ли эта власть действительно осуществить реформы.

Сегодня можно уже с достаточной степенью определенности утверждать, что процесс преобразования тоталитарных структур проходит в своем развитии два этапа. Первый этап — ликвидация (снизу) или самоликвидация (сверху) монопартийной системы. На этом этапе — при реформах сверху — могут начаться и преобразования в экономике, отдельные секторы ее могут быть переведены на рыночные основы, но завершить переход к рынку монопартийная система не в состоянии, так как это противоречит ее природе. Второй этап — переход к созданию рыночной экономики в рамках преобразованных политических институтов, на базе плюралистической многопартийной системы.

История еще не дала ответа на вопрос, является ли этот этап последним или, что точнее, может ли он быть последним. История еще не сказала сколько-нибудь определенно, возможен ли консенсус (согласие) относительно основных целей и принципов реформ в обществе, только что вышедшем из коммунистического тоталитаризма, или реформы в экономике будут сопровождаться поляризацией и конфронтацией интересов, что всегда являлось предпосылкой возникновения авторитаризма. Иными словами, пока еще не ясно, возможен ли в современную эпоху переход к рынку на основе демократии или формирование рыночных отношений и сегодня, как в прежние времена, осуществимо только при авторитарных режимах. Пример демократического восстановления послевоенной Западной Германии дает в этом отношении некоторые основания для оптимизма, но все же данный пример, учитывая солидную помощь Германии со стороны США и полное разрушение тоталитарной нацистской машины в результате военного поражения, слишком специфичен для того, чтобы делать на его основании далеко идущие выводы.

Как бы то ни было, перед Советским Союзом эти вопросы пока реально не стоят, так как он еще только выходит из первого этапа во второй. Причем, в отличие от ряда других стран, на первом этапе в нашей стране рыночные отношения не сформировались даже частично, переход к ним еще не начинался. Но, как показывает пример Венгрии, Польши, других стран, переход этот неизбежно сопровождается болезненными социальными последствиями, так как сталкивается не только с укоренившимися уравнилельно-перераспределительными установками и низкой культурой труда, но и с проблемой перестройки устаревшей отраслевой структуры, что опять-таки связано с тяжелыми социальными последствиями. Если учесть, что в СССР господство тоталитарного режима было наиболее длительным, а его укорененность в сознании миллионов людей наиболее глубокой; если учесть, что он здесь является всепроникающим, охватывающим не только национализированный сектор тяжелой промышленности, но и сельское хозяйство и связанные с ним отрасли; если учесть, наконец, гигантский спектр национальных культур и традиций, в том числе и колоссальные перепады в уровне хозяйственной культуры между разными регионами, то можно представить себе (а точнее, трудно даже представить), насколько сложные проблемы встанут в стране перед любой властью, как только она всерьез вознамерится осуществлять переход к рыночной экономике.

А у Президента Горбачева тут будут еще и дополнительные трудности, обусловленные тем, что проблеме легитимности своей власти ему даже ценой ликвидации партийной монополии если и удастся решить, то не надолго. Его положение в этом плане будет усугубляться тем, что президентские полномочия он получил не из рук избирателей. Между тем непопулярные меры, неизбежные при переходе к рыночной экономике, может позволить себе осуществлять, не рискуя потерять поддержку населения, только легитимная власть. Это — главная политическая

проблема при переходе ко второму этапу реформ, о чем наиболее красноречиво свидетельствует опыт Польши, где — об этом уже говорилось не раз — миллионы людей при Мазовецком согласились взвалить на себя тяготы, на которые ни при каком из бывших до сих пор правительств они бы не пошли ни при каких обстоятельствах. Как известно, два-три года назад они не соглашались и на меньшие жертвы.

Многие наши политические деятели и литераторы либерального толка явно идеализируют перспективы перехода к рыночной экономике в СССР, отношении к этой экономике широких слоев населения. В своих оптимистических прогнозах они опираются обычно на данные социологических опросов, согласно которым 50 и более процентов людей выступают за частную собственность. Но мне представляется, что данные эти интерпретируются неверно. Дело в том, что по другим опросам примерно такой же процент населения высказывается против реформ, так как они не ведут к повышению жизненного уровня, а способствуют его снижению. Мне кажется, что эти данные не противоречат друг другу, так как и любовь к частной собственности, и нелюбовь к реформам имеют своим источником один и тот же факт нелегитимности власти. Это и приводит к тому, что если власть осуществляет реформы, то люди высказываются против, а если она против частной собственности, то люди голосуют «за».

Не исключено, что в СССР трудности перехода к рыночной экономике будут связываться с тем, что возглавляемое Горбачевым руководство уже пять лет, обещая перемены к лучшему, не может удержать страну от углубляющегося кризиса. И по мере нарастания этих трудностей как раз и может припомниться прежняя принадлежность Горбачева к тоталитарным структурам: в таких ситуациях политическое прошлое порой играет существенную роль.

Но как бы то ни было, непопулярная центральная власть вынуждена будет в ближайшее время пойти на непопулярные меры ради углубления реформы, промедление с которой тоже подобно смерти. Факты свидетельствуют о том, что, с одной стороны, Горбачев намерен использовать свои президентские полномочия, чтобы ускорить движение в сторону рыночных отношений, а с другой, — что он опасается отторжения этого курса обществом. И это понятно: какие бы программы социальной защиты населения ни составлялись, какими бы хорошими и умными они ни были, переход к рыночной экономике все равно будет болезненным. Тут никаких иллюзий быть не должно: впереди у нас рост социальной напряженности, а не ее притупление.

Я вижу два возможных сценария дальнейшего развития событий.

Первый: нелегитимная власть начинает реформы, рассчитывая, что сохранение управляемой армии и глубоких корней «оборонного сознания» позволит удержать руль и, если понадобится, силой подавить недовольство. Это будет означать последний и решающий шаг в сторону авторитаризма, его окончательное становление с непредсказуемыми последствиями для всех, в том числе и для судьбы самой нынешней цен-

тральной власти. Я уже не говорю о том, что ждет нас всех, если программа «перехода к рынку» сведется всего лишь к централизованному повышению цен для ликвидации бюджетного дефицита за счет населения. До рынка по этой дороге мы вряд ли доберемся, с нее очень скоро придется свернуть, но на ней окончательно дискредитирует себя не только центральная власть, но может быть подорвано и без того не очень высокое доверие к самой идее рынка.

Второй сценарий: Президент использует свою усилившуюся власть прежде всего для того, чтобы передать значительную часть власти из центра в республику. Суть этого сценария: сначала — союзный договор и политическая независимость республик (в том числе, разумеется, и России) и лишь затем — рывок к рыночной экономике. Его преимущество перед первым сценарием: политический суверенитет сопровождается национальным подъемом и возникновением в республиках легитимных, пользующихся народным доверием правительств, способных взять на себя значительную долю ответственности за трудности, неизбежные при переходе к рынку. Могут сказать, правда, что такая стратегия равнозначна искусственному торможению реформ в экономике. Но это не так. События в Прибалтике показывают, что движение республик к политической независимости все равно начинается и набирает силы до складывания рыночных отношений, но все это происходит как реакция на промедление с заключением договора и сопровождается стихийным распадом страны.

Конечно, и этот второй сценарий нельзя считать заведомо безупречным, устраняющим все возможные конфликты и предупреждающим все предсказуемые и непредсказуемые неприятные последствия. Но он обладает достоинством большей демократичности и несет в себе больше гарантий от применения насилия. Вот почему, мне кажется, только этот сценарий может быть ориентиром для демократических сил.

Разумеется, демократическая оппозиция в любом случае — в силу самой логики политической борьбы — будет выступать против любых авторитарных тенденций в развитии политического режима. Но сегодня, мне кажется, этого мало, а главное — это не главное. Главное — способствовать демократической самоорганизации общества снизу, которая до сих пор очень слаба, а ее слабость — в сочетании с разобщенностью и конфронтацией зарождающихся политических сил — и дает силу авторитарным тенденциям.

Отсюда следует, что демократам, во-первых, предстоит осознать, что им приходится действовать в исторических рамках особой разновидности зарождающегося и пока еще окончательно не утвердившегося авторитаризма, сам факт существования которого есть результат слабости демократической самоорганизации общества. Во-вторых, им предстоит осознать, что их деятельность в этих рамках должна заключаться не только в том, чтобы критиковать авторитаризм с позиций демократии, но и в том, чтобы заставить его совершить максимум исторической работы, то есть двигаться в сторону рыночной экономики, создавая тем са-

мым экономические предпосылки демократии, причем двигаться наиболее демократическим — из всех возможных — путем. И, наконец, в-третьих, им предстоит осознать, что на их плечи ложится задача формирования и консолидации в масштабах страны таких массовых сил, которые могли бы стать реальной альтернативой КПСС, остающейся пока единственной организацией, действующей во всех регионах. Это, в свою очередь, является одним из главных условий успешного противостояния нынешним и будущим авторитарным тенденциям.

Однако ход III съезда народных депутатов СССР, на котором был избран наш первый Президент, ясно показал, что оппозиция чувствует себя пока крайне неуверенно. Дело не в ее слабости. Дело в том, что, в отличие от власти, которая вела себя на съезде именно как власть и была в этом отношении последовательной и логичной, оппозиция вела себя не как оппозиция, а как критический придаток и советчик власти.

Власть не скрывала, что она не может управлять по-старому, не может решать вставшие перед страной проблемы, что ей нужны для этого новые полномочия, что демократическим способом она их приобрести не рассчитывает и потому хочет получить их недемократически. Власть отдавала себе отчет в том, что это не увеличит доверие к ней, но, идя на такой шаг, она давала понять, что для нее это сейчас не главное. Можно было предположить, что недоверие ее не страшит, так как сила на ее стороне, а сила эта — в бессилии ее конкурентов.

И вот в такой ситуации представитель оппозиции посчитал, что важное всего поделиться с Горбачевым соображениями о том, что авторитета Генсеку его недемократически приобретенное президентство не прибавит. Иными словами, оппозиция решила критиковать власть, встав на позиции этой власти и не дав себе труда выяснить их (позиций власти) подлинное содержание.

Но ведь в том-то и дело, что оппозиция только тогда и оппозиция, когда она действует по иной логике, чем логика власти. На III Съезде этого не произошло. Во всяком случае, оппозиция проявила себя здесь оппозицией не больше, чем на одну треть.

Перед ней, насколько я понимаю, стояли три задачи.

Во-первых, ей нужно было заявить (и это она сделала), что выборы Президента проводятся недемократически, и она выступает поэтому против таких выборов, рассчитывая тем самым способствовать развитию демократического сознания народа.

Во-вторых, ей нужно было прямо сказать (и она это не сделала), что ее силы слабы, что она в заведомом меньшинстве в парламентских учреждениях и в то же время не располагает организованной силой за стенами парламента, способной решающим образом повлиять на процедуру выборов и что в этой ситуации ответственность за решение назревших в обществе проблем может взять на себя лишь существующая власть и решать их теми средствами, какие ей доступны. Тем самым миллионам людей за стенами парламента было бы объяснено, что дефицит де-

мократии есть не что иное, как следствие слабости их собственной демократической организации и самоорганизации.

В-третьих, нужно было, как мне кажется, заявить (и это тоже сделано не было), что оппозиция, воспринимая президентскую систему как заранее предрешенный факт, вытекающий из реального соотношения сил, видит впредь свою миссию в том, чтобы подталкивать Президента к решению главной задачи — демонтажу империи, ибо без этого не могут быть проведены глубокие реформы в экономике, немислимые без национального подъема в республиках, без возникновения в них легитимной, пользующейся доверием и поддержкой населения власти, что, в свою очередь, немисливо без экономической и политической самостоятельности республик. Оппозиция должна была заявить, что постарается, насколько это возможно, заставить служить недемократически избранную президентскую власть интересам демократии и призывает поддержать ее (оппозицию) снизу. Если же оппозиция не воспользовалась съездовской трибуной даже для того, чтобы высказать свое отношение к событиям в Литве, то это свидетельствует о том, что она не поспевает за жизнью, что по-прежнему обрекает себя на роль комментатора решений и оценок, исходящих от власти.

Похоже, что неопределенность поведения нашей парламентской оппозиции, помимо прочего, связана и с тем, что в сознании либерально настроенной публики до сих пор не произошло принципиального разграничения *логики деятельности власти и логики деятельности оппозиции*. Похоже, что над умами до сих пор господствует тоталитарная логика «монолитного единства советского общества». Если это так, то эту логику предстоит побыстрее преодолеть. Потому что в наших общих интересах, чтобы каждая политическая сила, каждое течение ясно осознавали и выражали свои цели и задачи. Только в этом случае мы будем иметь перед глазами ясную картину политической жизни общества, только в этом случае сознание миллионов людей действительно начнет освобождаться от старой мифологии «монолитного единства».

Июнь, 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Что нас ждет впереди?	3
Трудный спуск с зияющих высот	11
До и после президентских выборов	26

В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1990 ГОДА
В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

- № 1 Д. КУГУЛЬТИНОВ. В тени дерева бо. *Стихи.*
№ 2 С. ЛЕСНЕВСКИЙ. Голубые врата. *Очерки.*
№ 3 Ю. КОВАЛЬ. Когда-то я скотину пас.
№ 4 А. ЧЕРНОВ. Скорбный остров Гоноропуло.
№ 5 Б. САРНОВ. Феномен Сталина.
№ 6 Б. ПАСТЕРНАК. Из писем разных лет.
№ 7 Г. КУЛИКОВСКАЯ. Правда о профессоре Юдине. *Очерки.*
№ 8 А. КУШНЕР. Флейтист. *Стихи.*
№ 9 М. УСПЕНСКИЙ. Из записок Семена Корябеды. *Рассказы.*
№ 10 М. ДЕМЕНТЬЕВА. Непридуманные истории про театр и кино.
№ 11 А. ВОЛОДИН. Одноместный трамвай.
№ 12 И. ЛИСНЯНСКАЯ. Воздушный пласт. *Стихи.*
№ 13 С. ЮДИН. Подарок ко дню рождения.
№ 14 В. ВОЙНОВИЧ. Нулевое решение.
№ 15 Л. УВАРОВА. Одинокий с собакой снимет комнату. *Рассказы.*
№ 16 А. ПЛАТОНОВ. Деревянное растение. Из записных книжек.
№ 17 Л. ЛАЗАРЕВ. То, что запомнилось... (О Викторе Некрасове
и Андрее Тарковском).
№ 18 Х. АЛИМДЖАН. Когда цветет урюк. *Лирика.*
№ 19 М. КОРЧАГИН. Обжалованию не подлежит...
№ 20 НЭНСИ. Научно-фантастические рассказы американских
писателей.
№ 21 Н. НОВИКОВ. Не спеша оглянулся... *Стихи.*
№ 22 Чувство отвоёванной свободы. Три разговора об искусстве.
(Н. Петров, Н. Каретников, А. Гаврилов).
№ 23 Н. ЭЙДЕЛЬМАН. Оттуда.
№ 24 О. БЕРГГОЛЬЦ. Эхо. *Стихи.*
№ 25 А. БОЛОТИН. Кто нам ломает крылья. *Очерки.*
№ 26 Б. ХАЗАНОВ. Страх. *Рассказы*

КЛЯМКИН Игорь Моисеевич

ТРУДНЫЙ СПУСК С ЗИЯЮЩИХ ВЫСОТ

Опыт политического дневника
Май 1989 — июнь 1990

Редактор А. С. Щ е р б а к о в

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 21.06.90. Подписано к печати 25.07.90. А00359. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,1. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,13. Тираж 150000 экз. Заказ № 2489. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВЛАДЕЛЬЦАМ АВТОМОБИЛЕЙ**Страхование «авто-комби» гарантирует:**

— возмещение ущерба, возникшего в связи с повреждением (уничтожением или похищением) автомобиля, включая похищение его деталей и частей, а также предметов багажа и дополнительного оборудования;

— возмещение вреда, причиненного здоровью водителя и страхователя автомобиля. Теперь страховые суммы выплачиваются не только в случае их смерти, но и если в результате травмы, полученной при дорожно-транспортном происшествии, они стали инвалидами.

Платежи по договору (в зависимости от выбранного варианта страхования) составят 1 или 2% от действительной стоимости автомобиля. **Срок действия договора — один год.**

Для заключения договора Вы можете обратиться в инспекцию государственного страхования или к агенту, обслуживающему Ваше предприятие, учреждение или организацию. Они более подробно ознакомят Вас с условиями страхования.

**Государственное страхование СССР.
Правление.**